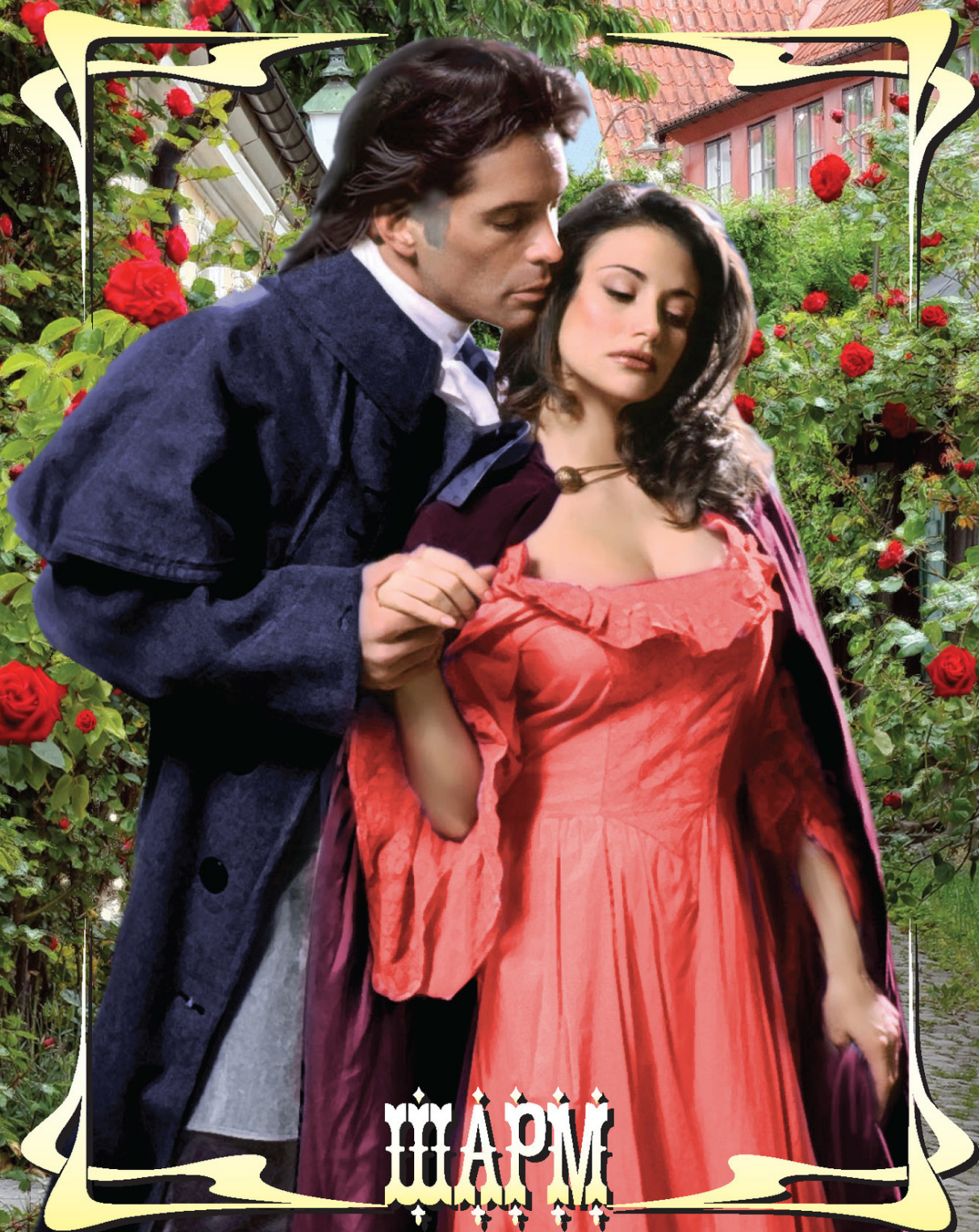

АМАНДА КВИК

Капитуляція

ШАРМ

Шарм (АСТ)

Аманда Квик
Капитуляція

«АСТ»

1990

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Квик А.

Капитуляция / А. Квик — «АСТ», 1990 — (Шарм (АСТ))

ISBN 978-5-17-112035-1

Сказочно богатая наследница Виктория Хантингтон без труда распознавала поклонников, охотящихся за ее приданым, и поэтому не сомневалась, что романтичный, обаятельный и мужественный Лукас Колбрук, граф Стоунвейл, искренне влюблен в нее – ведь каждый его взгляд и жест свидетельствовали о подлинной страсти. Однако каково же было ее разочарование после свадьбы, когда прошлое мужа предстало перед молодой графиней во всей красе и не осталось сомнений, что граф женился на ней только ради денег! Виктория в ярости и готова безжалостно мстить коварному авантюристу. Но... уверена ли она, что все и в действительности обстоит так, как нашептала ей клевета и дорисовала ее оскорбленная гордость?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-112035-1

© Квик А., 1990

© АСТ, 1990

Содержание

Пролог	6
Глава 1	7
Глава 2	19
Глава 3	30
Глава 4	40
Глава 5	50
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Аманда Квик Капитуляция

Amanda Quick
SURRENDER

Печатается с разрешения литературных агентств The Axelrod Agency и Andrew Nurnberg.

Серия «Шарм» основана в 1994 году

© Jayne Ann Krentz, 1990

© Перевод. Л. Б. Сумм, 2018

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

* * *

Пролог

Часы в холле пробили полночь. Погребальный звон. Она бежала по коридору. Нарядное тяжелое старомодное платье мешало ей, замедляя бег. Оно было неудобным и чужим, потому что предназначалось для другой женщины. Тонкое шерстяное полотно опутывало ноги – на каждом шагу она боялась споткнуться. Она подобрала юбки выше... еще выше, почти до колена, и рискнула оглянуться через плечо.

Он неотвратимо приближался. Он мчался за ней, словно обезумевший от запаха крови гончий пес, преследующий раненого оленя. Когда-то дьявольски красивое лицо – ради него ее несчастная легковверная мать решила на этот брак, закончившийся ее гибелью, – казалось теперь маской ужаса и пылало смертельной ненавистью. Он нагонял ее, полные бешенства выпученные глаза едва не лопались от натуги, волосы стояли дыбом. Еще два шага – и нож, зажатый в его руке, коснется ее горла.

– Дьяволица! – Его яростные вопли разносились в холле. Тусклый свет мерцал на зловещем лезвии в его руке. – Ты уже мертва. Почему ты не оставила меня в покое? Я отправлю тебя назад, в преисподнюю. На этот раз я уж постараюсь сделать все как следует. Ты слышишь меня, чертово привидение? На этот раз я сделаю все как следует.

Она попыталась закричать, но не смогла. Она была способна только бежать – бежать из последних сил.

– Я посмеюсь, когда твоя кровь заструится по моим рукам! – ревел он уже совсем близко за ее спиной. – На этот раз ты не восстанешь из мертвых, дьяволица! С тобой будет покончено!

Она выбежала на лестничную площадку, с трудом переводя дыхание. Страх разрывал ей сердце. Подобрав плотные юбки еще выше, она метнулась вниз по ступенькам, хватаясь одной рукой за перила, чтобы не упасть. Будет совсем нелепо, если, убегая от ножа, она сломает себе шею.

Он уже близко, совсем близко. Она понимала, что у нее почти не осталось шансов спастись. На этот раз она зашла слишком далеко. Она хотела сыграть роль привидения, и, похоже, ей придется играть эту роль до конца. Он настигнет ее, прежде чем она успеет сбежать по лестнице.

И все-таки она добилась своего – получила доказательство, которое искала. В пьяной ярости он сознался во всем. Если ей удастся спастись, она сумеет отомстить за свою бедную мать. Но кажется, это расследование будет стоить ей жизни.

Еще секунда, и его руки схватят ее – страшная пародия на те похотливые объятия, которыми он преследовал ее несколько лет назад. И в нее войдет лезвие ножа.

Нож!

Господи, нож!

Она успела пробежать половину лестницы, когда вдруг безумный вопль ее преследователя разорвал темноту.

Она в ужасе обернулась и поняла, что теперь обречена всю жизнь трепетать перед полуночным часом. В полночь к ней всегда будут возвращаться кошмары.

Глава 1

Виктория Клэр Хантингтон чувствовала, когда на нее затевали охоту. К двадцати четырем годам она уже научилась распознавать хитрости светских охотников за приданым. Что поделаешь, богатые наследницы – желанная добыча для многих.

То обстоятельство, что она до сих пор была не замужем и оставалась полной хозяйкой своего немалого состояния, лишь подтверждало умение Виктории уходить от сетей лукавых и хитроумных охотников, заполонивших ее мир. Давным-давно Виктория поклялась себе, что никогда не падет жертвой их лицемерного, но порой неотразимого очарования.

Однако Лукас Мэллори Колбрук, новый граф Стоунвейл, показался ей совсем другим. Может быть, он тоже из тех, кто ищет удобного случая, но в нем не заметно ни лукавства, ни легкомыслия. Среди разряженных светских павлинов он казался ястребом.

Виктория задумалась, не привлекают ли ее в Стоунвейле как раз те качества, что должны были бы насторожить: внутренняя сила и несгибаемая воля. Их представили друг другу лишь час назад. Но она не могла не признать, что этот необычный человек сразу же околдовал ее. Чувство, которое она ощутила, очень встревожило ее. Виктория понимала: здесь таится опасность.

– По-моему, я опять выиграла, милорд. – Изящной, затянутой в перчатку рукой Виктория разложила свои карты на зеленом сукне стола, одарив противника ослепительной улыбкой.

– Поздравляю вас, мисс Хантингтон. Сегодня вам удивительно везет.

Стоунвейл, в серых глазах которого Виктория с беспокойством различала странную призрачную тень, вовсе не опечалился своим проигрышем. Напротив, он, кажется, был рад такому исходу игры, словно осуществлению хорошо обдуманного плана. Виктория чувствовала, что граф чего-то ждет от нее.

– Да, мне сегодня очень везло, не правда ли? – пробормотала Виктория. – Это даже подозрительно.

– Мне бы и в голову не пришла такая мысль. Вы не должны рисковать своей репутацией игрока, мисс Хантингтон.

– Это по-рыцарски, милорд. Но я имела в виду вовсе не свою репутацию. Я не хуже вас знаю, что не мошенничала в игре. – Виктория затаила дыхание, понимая, что, произнеся эту фразу, она ступила на тонкий лед. Ведь она обвинила графа в том, что он передергивал, способствуя ее выигрышу.

Глаза Стоунвейла встретили и удержали ее взгляд. Выражение его лица оставалось пугающе спокойным. Неужели в этих холодных серых глазах никогда не вспыхивала искра живого чувства? Виктория ничего не смогла прочесть на его лице, кроме настороженного ожидания.

– Будьте добры, поясните ваши слова, мисс Хантингтон.

Виктория тут же решила отступить на более надежную почву:

– Прошу вас, не обращайтесь внимания на мои слова, милорд. Я просто очень удивилась своему везению, точно так же, как и вы. Меня можно назвать в лучшем случае любителем, а у вас репутация опытного игрока.

– Вы мне льстите, мисс Хантингтон.

– Не думаю, – возразила Виктория. – Я слышала целую повесть о том, какие подвиги вы совершаете за карточными столами Уайта и Брука и в других менее уважаемых клубах.

– Полагаю, эти подвиги сильно преувеличены. Однако вы пробудили во мне любопытство. Мы с вами только что познакомились – когда же вы успели собрать эти повести?

Не могла же Виктория признаться, что два часа назад, когда граф только вошел в бальный зал, она сразу же принялась расспрашивать о нем свою подругу Аннабеллу Линдвуд.

– Я уверена, вам прекрасно известно, как быстро распространяются подобные слухи, милорд.

– Конечно. Но женщина, отличающаяся столь высоким интеллектом, как вы, могла бы и не прислушиваться к сплетням. – Легким плавным движением Стоунвейл собрал карты, положил на стол свою изящную ладонь с аристократическими длинными пальцами и холодно улыбнулся Виктории. – Так вы намерены получить свой выигрыш, мисс Хантингтон?

Виктория тревожно глянула на него, не в силах справиться с волнением. Будь у нее хоть капелька здравого смысла, она положила бы этому конец здесь и сейчас, сказала она себе. Но сегодня ей не хватало той холодной и ясной логики, которая всегда выручала ее в подобных обстоятельствах. Никогда еще она не встречала мужчин, похожих на Стоунвейла.

Шум разговоров и смех за карточными столами в гостиной леди Атертон отодвинулись, и музыка, доносившаяся из зала, стала далекой и приглушенной. Огромный лондонский особняк Атертонов был переполнен изысканно одетыми завсегдатаями высшего света, кругом суетились слуги, но Виктории внезапно показалось, что они остались с графом вдвоем.

– Мой выигрыш, – медленно повторила Виктория, пытаясь привести мысли в порядок. – Конечно, я ведь должна получить его, правда?

– Помнится, мы играли на желание? Вы выиграли и вправе потребовать от меня исполнения любой вашей прихоти. Я к вашим услугам.

– Думаю, сэр, в данный момент я не нуждаюсь в ваших услугах.

– Вы вполне уверены в этом?

Она удивилась, заметив заговорщицкое выражение его глаз. Этот человек знает больше, чем следовало бы.

– Вполне уверена, – подтвердила она.

– К сожалению, вынужден возразить вам, мисс Хантингтон. Не сомневаюсь, вам пригодятся мои услуги. Насколько мне известно, сегодня ночью вам понадобится сопровождающий, когда вы с мисс Линдвуд отправитесь в поисках приключений на ярмарку.

Виктория замерла.

– Что вам известно об этом? – выдохнула она.

Стоунвейл легко пошевелил колоду карт одним пальцем:

– Мы с Линдвудом друзья. Одни и те же клубы, иногда играем вместе в карты. Знаете, как это бывает.

– Лорд Линдвуд? Брат Аннабеллы? Он вам сказал?

– Да.

Виктория страшно рассердилась:

– Он обещал проводить нас сегодня и дал слово, что никому ничего не скажет. Как он посмел обсуждать это с приятелями? Это уже слишком! И после этого мужчины называют женщин сплетницами! Какой позор!

– Вы не должны так сердиться на него, мисс Хантингтон.

– Объясните мне, что же сделал Линдвуд? Объявил на весь клуб, что он сопровождает свою сестру и ее подругу на ярмарку?

– Он не объявлял об этом всему клубу, уверяю вас. Он был сдержан и осторожен. В конце концов, это касается его сестры. Если вы хотите знать правду, Линдвуд доверился мне, потому что ситуация представлялась ему слишком сложной.

– Сложной? Не вижу, в чем тут сложность. Неужели он беспокоится из-за подобных пустяков? Он всего-навсего должен проводить меня и Аннабеллу в парк на гулянье. Что может быть проще? – парировала она.

– Насколько мне известно, вы и Аннабелла оказали на Линдвуда серьезное давление, чтобы заставить его участвовать в вашей аванюре. Он еще совсем мальчик, и вы с легкостью

вертите им. К счастью, он все же достаточно взрослый, чтобы вовремя пожалеть о своей уступчивости, и ему хватило здравого смысла обратиться за помощью.

– Ах-ах, бедный мальчик! Чепуха какая! Это звучит так, будто мы с Аннабеллой силой тащим Берти на ярмарку.

– Разве нет? – не уступал ей Стоунвейл.

– Разумеется, нет. Мы просто объяснили ему, что пойдем сегодня на ярмарку вне зависимости от его желания, и тогда он предложил проводить нас. Очень великодушно с его стороны, по крайней мере так это выглядело.

– Вы не оставили ему выбора. Вы прекрасно знаете, что он, как джентльмен, не мог отпустить вас одних. Чистой воды шантаж, и я подозреваю, мисс Хантингтон, это ваша идея.

– Шантаж? – Виктория пришла в ярость. – Я отвергаю ваше обвинение, милорд.

– Почему же? Возможно, я немного и преувеличиваю, но, в сущности, все так и есть. Вы же понимаете, что Линдвуд не согласился бы сопровождать вас и свою сестру в такое сомнительное место, если бы вы не пригрозили ему, что отправитесь одни. Если бы матери мисс Линдвуд стало известно о вашей сегодняшней затее, с ней случилась бы истерика, да и с вашей тетей скорее всего тоже.

– Уверяю вас, у тетушки Клео никогда не бывает истерик, она очень разумная женщина, – возразила Виктория, искренне любившая свою почтенную родственницу.

Но она понимала, что относительно матери Аннабеллы граф Стоунвейл совершенно прав. Если бы леди Линдвуд узнала о планах дочери на сегодняшнюю ночь, с ней непременно случилась бы истерика. Благовоспитанные юные леди не разгуливают по ночам.

– Пусть ваша тетя и разумная женщина – готов поверить вам в этом на слово, поскольку не имел еще чести познакомиться с леди Неттлшип, – но тем не менее убежден, что она не одобрила бы ваших планов, – продолжал Стоунвейл.

– Как только увижу лорда Линдвуда, я его придушу. Он не джентльмен – он предал нас самым бесчестным образом.

– Не вините его за то, что он мне доверился. Я много лет провел в армии, и мне легко распознать, когда молодой человек чем-то озабочен. А добыть у него подробности не составляло труда.

– К чему вам это? – прищурившись, спросила Виктория.

– Скажем так, предприятие показалось мне весьма любопытным. Когда Линдвуд понял, что я с радостью готов помочь ему сегодня ночью, он выложил все и просил меня быть вашим спутником.

– Вы не ответили на вопрос. Почему вас вообще это заинтересовало?

– О моих соображениях говорить не стоит. – Длинные пальцы Стоунвейла снова легко пробежали по колоде карт. – Мне кажется, пора обсудить возникшую проблему.

– Не вижу никакой проблемы.

Кроме как избавиться от тебя, мысленно добавила она. Интуиция и на этот раз не подвела Викторию. Ей следует бежать от Стоунвейла, как только представится возможность, но чем дальше, тем сильнее она чувствовала, что такой возможности у нее уже не будет. Внезапно все мелочи начали складываться и выстраиваться в некий замысел, который уже осуществлялся и над которым она не имела власти.

– Вы не думаете, что нам стоит обсудить подробности вечернего приключения, мисс Хантингтон?

– Спасибо, мы уже продумали все детали. – Виктория не собиралась выпускать инициативу из своих рук.

– Постарайтесь понять меня. Может быть, во мне говорит бывший солдат, а может, виной всему любопытство, но я предпочитаю знать все подробности предприятия прежде, чем приму

в нем участие. Будьте добры, изложите план действий, – невинным голосом попросил Стоунвейл.

– Почему, позвольте спросить? Я вас не приглашала.

– Я хочу оказать вам услугу, мисс Хантингтон. Линдвуд был благодарен, когда я предложил ему свое содействие, но и вы также должны понимать, насколько удобнее иметь еще одного спутника. Ночью толпа становится грубой и почти неуправляемой.

– Меня ничуть не волнует грубая толпа. В этом-то и есть вся прелесть приключения!

– В таком случае вы по крайней мере будете мне благодарны, если я сохранию тайну, когда меня сегодня вечером представят вашей тете.

С минуту Виктория рассматривала его в напряженном молчании.

– Мне кажется, Линдвуд не единственная жертва шантажа в этой истории. По-моему, теперь вы принялись за меня.

– Вы обижаете меня, мисс Хантингтон.

– Я с радостью обижу вас, если это избавит меня от моих проблем.

– Я прошу вас видеть во мне не проблему, а ее решение. – Медленная улыбка тронула его губы. Странная тень в его глазах не исчезла. – Я всего-навсего прошу разрешения быть вашим спутником вечером, когда вы отважитесь выйти на опасные улицы города. Тем самым я с радостью избавлюсь от своего карточного долга.

– А если я откажусь получить с вас выигрыш подобным образом, вы все расскажете тете, так?

Стоунвейл вздохнул:

– Будет очень неприятно всем участникам вашего маленького заговора, если матери мисс Линдвуд или вашей тете станет известно о ваших планах на сегодняшний вечер, но никто не может предугадать, о чем пойдет беседа, верно?

Виктория резко сжала в руке веер и хлопнула им по столу:

– Так я и знала. Все-таки шантаж!

– Скверное слово, но я готов согласиться с вами: это шантаж.

Охотник за приданым. Другого объяснения нет. Ей еще никогда не встречался такой самоуверенный и настойчивый поклонник. Обычно охотники за приданым стараются придерживаться самых изысканных манер, поначалу они – само благородство. Но Виктория привыкла доверять своей интуиции.

Она вновь встретилась взглядом со Стоунвейлом и замерла на миг, очарованная упорным выжидающим блеском его жестких серых глаз. Она хотела подняться из-за карточного стола – граф тоже встал и помог ей отодвинуть стул.

– Я буду ждать свидания с вами позже вечером, – шепнул он ей, когда она выходила из-за стола.

– Если вы надеетесь заполучить мое состояние, милорд, расставляйте свои силки в другом месте, – нарочито медленно произнесла Виктория. – Со мной вы только напрасно потеряете время. Я готова признать вашу манеру достаточно оригинальной, но тем не менее я от нее не в восторге. Уверю вас, мне удалось избежать куда более привлекательных приманок.

– Мне говорили об этом.

Он шел рядом с ней – оба они направлялись в сверкающий, переполненный гостями танцевальный зал. Виктория снова, как и до игры, отметила какую-то неестественную, излишнюю четкость в походке Стоунвейла. Элегантный черный вечерний костюм, изысканно повязанный галстук, плотно облегающие брюки и сверкающие туфли – все модные ухищрения его туалета не могли скрыть, что граф прихрамывает на левую ногу.

– И что же вам говорили, милорд? – требовательно спросила Виктория.

Он пожал плечами:

– Говорили, что вы не особенно интересуетесь замужеством, мисс Хантингтон.

– Ваши осведомители ошиблись. – Она холодно улыбнулась. – Нельзя сказать, что я не особенно интересуюсь замужеством. Я им совершенно не интересуюсь – совершенно!

Стоунвейл бросил на нее оценивающий взгляд:

– Очень жаль. Если бы у вас был муж, вы заботились бы по вечерам о своей семье и не пытались развлекаться рискованными приключениями вроде того, которое вы изобрели на сегодня.

Виктория сияюще улыбнулась:

– Я глубоко убеждена, что приключение, подобное тому, которое я изобрела на сегодня, гораздо интереснее скучных обязанностей жены!

– И на чем же основана ваша уверенность?

– Личный опыт, милорд. Моя мать вышла замуж за человека, которому нужно было только ее состояние, и он погубил ее. Моя тетя тоже вышла замуж за охотника за приданым, но, к счастью, у него хватило совести погибнуть молодым на охоте. Поскольку я не могу рассчитывать, что мне повезет так же, как и ей, я предпочитаю не рисковать и вообще не думать о замужестве.

– Вы не боитесь лишиться самого главного в жизни женщины? – осмелился он задать вопрос.

– Ни в малейшей степени. Не вижу в браке ничего привлекательного.

Виктория распахнула веер, скрывая невольную дрожь в руках. Воспоминания о мелочной, постоянной жестокости ее отчима и его пьяной ярости по отношению к ее матери никогда не оставляли ее. Даже яркий свет бальной залы не мог отогнать и рассеять их.

Она томно обмахнулась веером, надеясь, что Стоунвейл поймет, как ей наскучил разговор с ним.

– Прошу извинить меня, милорд. Я должна поговорить с подружкой.

Он проследил за ее взглядом:

– Ах да, бесстрашная Аннабелла Линдвуд. Конечно, ей тоже не терпится обсудить ваши планы. Раз вы отказываетесь довериться мне, придется узнавать подробности самому. Не беспокойтесь, стратегия – мой конек. – Стоунвейл галантно склонился над рукой Виктории. – Встретимся позже, мисс Хантингтон.

– Я буду молиться, чтобы вы нашли себе сегодня занятие поинтереснее, чем сопровождать нас в ночной прогулке.

– Вряд ли это удастся. – Легкая улыбка на губах графа на миг превратилась в хищный оскал, обнаживший его крепкие белые зубы.

Виктория резко повернулась, изящно закружились ее золотистые шелковые юбки, и она удалилась, даже не оглянувшись на своего спутника. Определенно, граф не только опасен, он еще и совершенно невыносим.

Пробираясь сквозь толпу, Виктория с трудом подавила тяжелый вздох. Ей с самого начала не следовало принимать приглашение графа сыграть в карты. К тому же игра в карты с мужчиной не самое подходящее занятие для молодой леди. Но она никогда не могла устоять перед приключением, а этот человек сразу же почувствовал, разгадал ее слабость и воспользовался ею! Надо это запомнить.

Впрочем, у нее не было никаких причин подозревать графа. Сама Джессика Атертон представила ей Стоунвейла.

Все знали, что леди Атертон выше любых подозрений, леди Атертон – образец всех добродетелей. Худенькая, темноволосая и синеглазая виконтесса была юной, нежной, прелестной, необычайно скромной, безошибочно деликатной, немисливо respectable – поистине столп приличий. Иными словами, ей бы и в голову не пришло представить своей гостье заведомого негодяя или охотника за приданым.

– Викки, я тебя всюду искала. – Аннабелла Линдвуд почти подбежала к своей подруге. Распахнув веер, она прикрыла им губы и попыталась говорить шепотом: – Ты в самом деле играла в карты со Стоунвейлом? Нехорошая девочка! А кто выиграл?

Виктория вздохнула:

– Я выиграла – а что толку?

– Он сказал тебе, что Берти пригласил его пойти сегодня с нами? Я страшно разозлилась, но Берти настаивает: кто-нибудь еще должен пойти, чтобы ему было спокойнее.

– Я так и поняла.

– Ой, дорогая, ты сердишься? Мне очень жаль, Викки, правда очень жаль, но ничего не поделаешь. Берти обещал никому не рассказывать о наших планах, но Стоунвейл хитростью все у него выудил.

– Да, я представляю, как это ему удалось. Должно быть, он накачивал Берти рейнвейном до тех пор, пока правда не всплыла наружу. Очень жаль, что твой брат не умеет держать язык за зубами, но выше нос, Белла! Мы все равно сумеем развлечься сегодня.

Небесно-голубые глаза Аннабеллы просияли в ответ. Она улыбнулась, закивала головой – разлетелись светлые локоны. Некоторые ценители женской красоты полагали, что Аннабелла Линдвуд несколько полновата с точки зрения моды, но склонность к полноте отнюдь не отпугивала ее многочисленных поклонников. Аннабелле недавно исполнилось двадцать один, и она призналась Виктории, что в этом сезоне ей придется принять предложение кого-нибудь из ее воздыхателей. Из-за внезапной смерти своего отца Аннабелла появилась в высшем обществе с опозданием, но сразу стала пользоваться огромным успехом.

– Что ты о нем знаешь, Белла? – негромко спросила Виктория.

– О ком? О Стоунвейле? Честно говоря, не очень много. По мнению Берти, в клубах его уважают. Кажется, совсем недавно он унаследовал титул. Предыдущий граф приходился ему дальним родственником. Дядя или двоюродный дед, что-то в этом роде. Берти упоминал поместье в Йоркшире.

– Что-нибудь еще Берти о нем рассказывал?

– Надо подумать. По словам Берти, этот род почти угас. Он мог бы вовсе исчезнуть, когда Лукаса Колбрука ранили на Пиренях год назад.

Виктория почувствовала, как что-то сжалось у нее в груди.

– Из-за этого он хромотает?

– Да. Ему пришлось оставить военную службу. Правда, со службой все равно было бы покончено, потому что он унаследовал титул. Сама понимаешь, у него теперь есть долг перед своим именем и своей землей.

– Конечно. – Виктория не хотела задавать очередной вопрос, однако не удержалась: – Как это случилось?

– Ранение? Подробностей я не знаю. Берти утверждает, что Стоунвейл никому об этом не рассказывает. Но опять же по словам брата, сам Веллингтон несколько раз упоминал графа в своих донесениях. В той битве Стоунвейла ранили, но он все-таки удержался в седле и повел своих людей в атаку, а потом потерял сознание, и его оставили на поле боя, решив, что он убит.

Оставили, решив, что он убит! Виктория почувствовала дурноту. Она поспешила заглушить странное ощущение, напоминая себе, что у нее нет никаких причин испытывать жалость к Лукасу Колбруку. Более того, она очень сомневалась, что он очень обрадовался бы ее жалости. Разве что быстро сообразил бы, как использовать и это в своих целях!

Виктории пришло в голову, что Стоунвейл предложил ей сыграть в карты, чтобы избежать утомительных контрдансов. Хромота, должно быть, мешала ему танцевать.

– Какое он произвел на тебя впечатление, Викки? Я заметила, что мисс Пилкингтон Само Совершенство не спускает с него глаз весь вечер, и некоторые другие леди тоже, не говоря уже

об их мамашах. Немного свежей крови возбуждает аппетит хищников, верно? – Аннабелла постаралась воспроизвести манеру своей подруги.

– От такого сравнения может аппетит испортиться, – рассмеялась Виктория. – Понимает ли Стоунвейл, что его разглядывают, словно призового жеребца?

– Не знаю, но определенно его интересуешь только ты. Все видели, как он заманил тебя в гостиную для игры в карты.

– Полагаю, ему понадобилось мое приданое, – произнесла Виктория.

– Боже, Викки, тебе всегда кажется, что мужчины думают только о твоём приданом. Ты просто помешалась на этой мысли. Неужели кто-то из твоих поклонников не может серьезно увлечься тобой, не думая о деньгах?

– Белла, мне уже почти двадцать пять. Мы обе прекрасно знаем, что в свете не принято делать предложение женщине столь преклонных лет, если только у мужчины нет на это практических соображений. Мое приданое вполне подходит под рубрику практических соображений.

– Ты говоришь так, словно уже старуха! Ведь это неправда.

– Дело именно так и обстоит, что меня вполне устраивает, – равнодушно подтвердила Виктория.

– Но почему? – покачала головой Аннабелла.

– Это многое упрощает, – намекнула Виктория, бессознательно отыскивая в толпе Стоунвейла.

Наконец она обнаружила, что граф разговаривает с хозяйкой дома возле двери, ведущей в огромный сад Атертонов. Виктория не могла не отметить ту дружескую манеру, с какой граф склонялся к прелестной леди Атертон – ангельскому видению в розовом платье.

– Если тебя это успокоит, Берти не упоминал ничего такого, из чего можно было бы заключить, что Стоунвейлу нужно твоё приданое, – заметила Аннабелла. – Напротив, говорят, старый граф был человек оригинальный, он прятал все свои деньги – копил, пока не умер. Теперь все досталось новому графу. Ты ведь знаешь Берти, он никогда не пригласил бы этого человека сопровождать нас, если бы не был в нём уверен.

Все это правда, подумала Виктория. Лорд Линдвуд был только на два года старше своей сестры. Недавно унаследовав титул, он всерьез воспринимал обязанности главы семьи, заботливо оберегал свою кокетливую, жизнерадостную сестренку и всегда был любезен с Викторией. Он не стал бы подвергать риску ни ту, ни другую, знакомя их с человеком с темным прошлым или ненадежной репутацией. Возможно, Аннабелла права, и на сей раз Виктория все преувеличивает в страхе перед коварными охотниками за приданым...

Но тут Виктория припомнила взгляд Стоунвейла. Если даже граф не охотится за ее приданым, все равно он гораздо опаснее, чем любой мужчина, которого ей доводилось встречать, за исключением, разумеется, отчима.

При этой мысли у Виктории перехватило дыхание, и она сердито отругала саму себя. Нет, неожиданно горячо возразила она себе, как бы опасен ни казался Стоунвейл, немыслимо сравнивать его с жестоким мерзавцем, женившимся на ее матери. Что-то подсказывало ей, что эти двое мужчин вряд ли сделаны из одного теста.

– Виктория, дорогая, поздравляю тебя. Я видела, ты полностью завладела вниманием нашего новоиспеченного графа. Стоунвейл неплохая добыча, верно? – Знакомый воркующий голос прервал ее размышления.

Виктория обернулась и увидела рядом с собой Изабеллу Рикотт. Она заставила себя улыбнуться. По правде говоря, Виктория терпеть не могла эту женщину, но в то же время завидовала ей.

Изабелла Рикотт напоминала Виктории экзотический драгоценный камень. Ей недавно минуло тридцать, и ее окружала атмосфера женской тайны, притягивающая мужчин не меньше, чем нектар привлекает пчел. Экзотичность ей придавали по-кошачьи грациозная

походка, гладкие темные волосы и слегка раскосые глаза. Она была одной из немногих женщин (к их числу принадлежала и Виктория), которые презирали моду и носили яркие цвета, а не безупречно белые или пастельные. Изумрудно-зеленое платье Изабеллы сверкало в ярком освещении бальной залы.

Но Виктория завидовала не экзотической красоте Изабеллы, а той свободе, которую предоставляли ей возраст и положение вдовы. Вот о чем она мечтала. Женщина, достигшая положения леди Рикотт, избавлялась от внимательного надзора света, которому подлежала сама Виктория: леди Рикотт могла даже позволить себе, с известной осторожностью, тайный роман.

Виктория никогда еще не встречала человека, с которым ей захотелось бы завести роман, но, пожалуй, она не отказалась бы от такой возможности – если бы представился случай.

– Добрый вечер, леди Рикотт. – Виктория глянула сверху вниз на собеседницу, которая была на несколько дюймов ниже ее. – А вы знакомы с графом?

Изабелла покачала изящной головкой:

– К сожалению, нас еще не представили друг другу. Он совсем недавно появился в свете, хотя, как я слышала, уже стал завсегдатаем клубов, в особенности часто его видят за карточным столом.

– Я тоже об этом слышала, – вступила в разговор Аннабелла, – Берти говорит, он превосходный игрок, очень хладнокровный.

– В самом деле? – Изабелла глянула в тот конец комнаты, где граф все еще продолжал беседовать с леди Атертон. – Красивым его не назовешь, верно? Зато в нем есть что-то интригующее.

Красивый? Виктория чуть не расхохоталась – столь неуместным казалось это слово применительно к Стоунвейлу. Нет, красивым его не назовешь. У него сильные, даже резкие черты лица, острый нос, агрессивно выпяченный подбородок, а в серых глазах – какая-то напряженность. Волосы графа, цвета неба в безлунную ночь, уже тронуло на висках серебро. Все это вместе никак нельзя назвать красотой... Приглядевшись внимательно, можно увидеть в нем спокойного, хладнокровного и властного мужчину, но никак не светского денди.

– Но он прекрасно одевается, – вставила Аннабелла.

– Да, – спокойно согласилась Изабелла, – одеваться он умеет.

Виктории не понравился оценивающий взгляд, каким Изабелла смерила графа. Однако она не могла не признать, что Стоунвейл принадлежит к числу мужчин, которые не позволяют даже модному портному навязать им свой вкус. Его широкие плечи, тонкая талия, крепкие ноги не нуждались в приукрашивании.

– И наверняка забавен, – протянула Изабелла.

– Ну конечно, – оптимистично согласилась Аннабелла.

Виктория снова взглянула на темную фигуру, высившуюся рядом с леди Атертон. Забавен – это совсем не то слово. Он опасен.

Но Виктории внезапно захотелось поиграть с этой опасностью, ей давно уже не хватало круговерти света, в которую она погружалась каждый вечер, чтобы не проводить в одиночестве долгие ночные часы. Ей необходимо было что-то еще, чтобы уйти, убежать от постоянных ночных кошмаров.

Быть может, граф Стоунвейл и станет тем успокаивающим средством, в котором она так нуждается.

– Лукас, дорогой, какое впечатление она произвела на тебя? Думаешь, она подойдет? – Леди Атертон с трепетной заботой обратила к графу свои прекрасные кроткие глаза.

– Я думаю, Джессика, она вполне подойдет.

Лукас отпил глоток шампанского из бокала. Глаза его искали кого-то в толпе гостей.

– Понимаю, она не первой молодости...

– Я тоже не первой молодости, – сухо возразил он.

– Глупости. Тридцать четыре года – самый подходящий возраст для мужчины, чтобы вступить в брак. Эдварду было тридцать три, когда я вышла за него замуж.

– Вот как?

Взгляд леди Атертон тут же стал виноватым, она умоляюще обратилась к нему:

– Лукас, я очень сожалею! Я допустила бестактность. Ты же знаешь, я не хотела причинить тебе боль.

– Переживу. – Лукас наконец увидел в толпе Викторию. Он не сводил глаз с ее высокой фигуры – Виктория как раз входила в танцевальный круг, сопровождаемая полноватым немолодым бароном. Виктория, несомненно, обожала танцы, но она была настолько осторожна, что выбирала в партнеры или неоперившихся юнцов, которые еще чувствовали себя скованно, или людей намного старше себя. Должно быть, их она считала безопасными.

Лукас пожалел, что не решился пригласить Викторию на танец. Интересно было бы посмотреть, приняла бы она это приглашение так же просто, как последовала за ним к карточному столу. Но Лукас не знал, как бы она отнеслась к его проклятой неловкой левой ноге, а рисковать он не мог.

Правда, ему показалось, что Виктории несвойственна сознательная жестокость. Характер у нее, конечно, не из легких, но Лукас понимал, что она не опустится до насмешки над его хромотой, не захочет унижить его. Тем не менее, если он попробует изводить ее так, как это было за картами, она способна хорошенько наступить ему на мозоль. Представив себе эту картину, Лукас чуть не расхохотался.

– Конечно, принять твое приглашение и усесться за карты – это несколько эксцентрично, но боюсь, нашей мисс Хантингтон это свойственно, – продолжала леди Атертон. – Она всегда рискует на грани дозволенного приличиями. Однако я уверена, что под руководством мужа это прискорбное свойство ее характера вполне можно будет исправить.

– Интересная мысль.

– И потом, она любит носить платья ярко-желтого цвета, – добавила леди Атертон.

– Все ясно. Мисс Хантингтон своевольна и себе на уме. Но я должен признать, желтое платье ей очень идет. Мало кому из женщин оно было бы к лицу.

Лукас снова оглядел издали высокую гибкую фигуру Виктории в платье с высокой талией. Желтый шелк отливал медом, он казался солнечным лучом в заполненном гостями зале, цветком, теплым и живым, среди клумбы классически белых и изысканно-бледных цветов.

Единственное, что ему не понравилось в ее платье, это чересчур глубокое декольте. Оно слишком смело открывало взору нежные очертания приподнятой корсажем груди. Лукас с трудом подавил желание выхватить шарф у какой-нибудь почтенной матроны и хорошенько укутать им Викторию выше талии. Это было так не похоже на него, что он на миг растерялся.

– Боюсь, у нее репутация оригиналки. Это, несомненно, дело рук ее тети. Клео Неттлшип – весьма своеобразная женщина.

– Я, пожалуй, согласен на своеобразную женщину. С ней гораздо интереснее беседовать, не правда ли? Так или иначе, мне ведь придется все время разговаривать с женщиной, на которой я женюсь. От этого никуда не уйдешь.

Джессика вздохнула:

– К сожалению, в этом сезоне выбор богатых невест не так уж велик. Впрочем, он никогда не бывает велик. Однако еще остается мисс Пилкингтон. Ты непременно должен познакомиться с ней, прежде чем сделаешь окончательный выбор. Уверю тебя, эта девушка очень привлекательна. Совершенно безупречного поведения, в то время как мисс Хантингтон, по моему, все-таки излишне своевольна.

– Забудь о мисс Пилкингтон. Меня вполне устраивает мисс Хантингтон.

– Если бы еще не ее возраст – почти двадцать пять... А мисс Пилкингтон только девятнадцать. Чем женщина моложе, тем охотнее она поддается влиянию мужа, не забывай об этом, Лукас.

– Джессика, поверь, меня несколько не беспокоит возраст мисс Хантингтон.

– Ты уверен? – тревожно взглянула на него леди Атертон.

– Я предпочитаю иметь дело с женщиной постарше, которая знает, чего она хочет, а не с малышкой, которая только что вышла из детской. Мы с тобой уже пришли к выводу, что мисс Хантингтон всегда знает, чего она хочет.

– Ты имеешь в виду, что ей до сих пор удавалось не выходить замуж? Наверное, ты прав. Она очень ясно дала всем понять, что не собирается променять свое состояние на мужа. На нее уже все махнули рукой, кроме самых отважных охотников за приданым.

Стоунвейл криво усмехнулся:

– Это расчищает мне путь.

– Пойми меня правильно, Лукас. Она обворожительное создание, она, как и ее тетья, вносит в светскую жизнь свежую струю, ее многие любят, но Виктория предпочитает иметь друзей, а не поклонников.

– Словом, она всех сумела поставить на место, и никто не решается протестовать.

– Если кто-нибудь нарушает условия, она тут же порывает с ним отношения. Мисс Хантингтон вообще-то добрая девушка, она всегда улыбается и для каждого найдет приветливое слово, она охотно танцует с застенчивыми юношами, с малопривлекательными партнерами, но с настоящими денди, которые пытаются увиваться вокруг нее, она расправляется безжалостно, – пояснила Джессика.

Это его не удивило. Если бы мисс Хантингтон не умела управлять мужчинами, крутившимися вокруг нее, она давно бы уже лишилась своей свободы. Лукас понимал: ухаживать за такой девушкой – все равно что балансировать на канате.

– Я полагаю, она получила хорошее образование? – спросил он.

– Некоторые даже считают, что чересчур. Насколько мне известно, леди Неттлшип полностью взяла на себя ответственность за воспитание своей племянницы, и результат налицо. Если бы не положение в обществе, которое занимает леди Неттлшип, с мисс Хантингтон давно могла бы приключиться беда.

– Что произошло с родителями мисс Хантингтон?

Леди Атертон заколебалась, потом постаралась ответить спокойным голосом:

– Они умерли. Все. Это очень печально, конечно. Но Господь дает, и Господь отнимает...

– Именно так Он и делает.

Леди Атертон озадаченно глянула на него и негромко откашлялась:

– Ну, отец ее умер, когда мисс Хантингтон была еще ребенком, и ее мать вскоре вступила в новый брак. Примерно полтора года назад она погибла, упав с лошади. Меньше чем через два месяца после нее умер и отчим мисс Хантингтон, Сэмюэль Уитлок. Насколько я знаю, это был несчастный случай: он упал с лестницы и сломал себе шею.

– Странная цепочка трагедий, но в результате мисс Хантингтон лишилась родителей, которые, возможно, захотели бы сегодня пристальнее исследовать состояние моих финансов. Слух о богатствах, накопленных моим дядей, не выдержал бы проверки.

Джессика неодобрительно скривила губы:

– Боюсь, мисс Хантингтон не носила траура по отчиму. Она ясно дала понять, что оплакивает только свою мать, да и этот траур кончился так быстро, как только позволили приличия.

– Ты успокоила меня, Джессика. Меньше всего мне хотелось бы жениться на женщине, которая склонна к постоянному трауру. Жизнь и так коротка, просто стыдно тратить ее на сожаления о том, чего мы не в силах изменить, верно?

– Но мы должны терпеливо нести обрушившееся на нас горе – это закаляет характер. И о приличиях тоже следует помнить, – возразила Джессика, слегка обидевшись. – Во всяком случае, остается леди Неттлшип, тетя мисс Хантингтон, очень уважаемая женщина с прекрасными связями в обществе, но нельзя отрицать, что в некоторых отношениях она странновата. Боюсь, она несколько избаловала свою племянницу. Как ты думаешь, сможешь ли ты смириться с несколькими необычными манерами мисс Хантингтон?

– Уверен, Джессика, я прекрасно справлюсь с мисс Хантингтон. – Лукас снова отпил шампанского, не спуская глаз с Виктории, которая все еще танцевала с сорокалетним бароном.

С внезапным облегчением Лукас понял, что Виктория совсем не та невеста, какую он предполагал заполучить. Он готов был исполнить долг по отношению к своему имени и титулу и по отношению к тем людям, которые теперь зависели от него, но он совсем не ожидал, что выполнение этого долга может быть сопряжено с удовольствием.

Да, она совсем не то, что он ожидал увидеть.

Прежде всего он не надеялся, что его невеста окажется столь привлекательна внешне. Джессика предупредила его, что Виктория Хантингтон достаточно хороша, но не больше.

Виктория оказалась выше, чем он думал, выше большинства женщин в этом зале. Но Лукас и сам был достаточно высок, и он был бы рад жениться на женщине, которая сможет опустить голову ему на плечо, а не утыкаться ему в грудь.

Совсем не то, что он ожидал.

Она двигалась сильной, изящной походкой, так не похожей на маленькие шажки, к которым приучают себя большинство женщин. Танцует она тоже хорошо, печально отметил Лукас. Он понимал, что в танцах ему не сравниться даже с тучным бароном.

Лукас смотрел, как барон легко ведет Викторию: в этот момент они проходили под люстрой, масса света обрушилась на них, золотые искры засверкали в пышных темных волосах Виктории. Декольте и в самом деле было чересчур глубоким, но зато оно подчеркивало нежную линию ее шеи, а цвет платья удивительно подходил к ее янтарным глазам. Леди прекрасно знала, что ей нужно, и не считалась с модой.

Совсем не то, что он ожидал.

Джессика предупредила его, что, хотя у нее нет серьезных замечаний относительно внешности мисс Хантингтон, красавицей ее не назовешь. Всмотриваясь издали в оживленное, разгоревшееся лицо Виктории, Лукас признавал справедливость суждения Джессики, но он решил, что теплые золотистые глаза, сверкающие дерзким вызовом, решительно вздернутый нос и ослепительная улыбка как нельзя лучше сочетаются друг с другом. В Виктории было живое очарование, приковывающее к ней взгляд. Он чувствовал, что в ней таится страстность, которую настоящий мужчина сумел бы пробудить.

Лукас еще раз глянул на улыбку, которой Виктория наградила своего партнера, и понял, что ему очень хотелось бы узнать вкус ее губ. И как можно скорее!

– Лукас, дорогой!

Лукас нехотя отвел глаза от своей избранницы. Своей – теперь он был в этом уверен. Он еще раз повторил про себя эти слова.

– Да, Джессика? – Он снисходительно глянул на красавицу, которую он когда-то любил и которую потерял, потому что у него не было ни титула, ни денег.

– Она подойдет тебе, Лукас? Еще не поздно подумать о мисс Пилкингтон.

Лукас припомнил, как Джессика, повинувшись настоянию своих родных, вышла замуж за другого мужчину, который мог обеспечить ей и титул, и состояние. Тогда он не мог ни понять, ни простить ее поступок. Теперь, унаследовав титул, но по-прежнему нуждаясь в деньгах, Лукас наконец осознал, в каком положении оказалась Джессика четыре года назад.

Он понимал теперь, что она вышла замуж не по любви, но из чувства долга. «Долг» – слово, понятное для Лукаса, столько лет прослужившего в армии.

– Так как же, Лукас? – настаивала Джессика, ее прекрасные глаза омрачила забота. – Ты решишься жениться на ней? Ради Стоунвейла, Лукас!

– Да, – откликнулся Лукас, – думаю, мисс Хантингтон мне вполне подойдет...

Глава 2

– Рэтбоун, тетя дома? – спросила Виктория, поспешно входя в парадную дверь городского особняка леди Неттлшип.

С улицы донесся перестук колес – Аннабелла и ее почтенная тетушка, провожавшие Викторию с бала, уехали домой.

Виктория с облегчением покинула их карету. Тетя Аннабеллы, привыкшая играть роль наставницы молодых девушек, всю дорогу выговаривала Виктории за неуместный для леди поступок – посреди званого вечера отправиться играть в карты с мужчиной!

Виктория терпеть не могла выслушивать нотации. Дворецкий, крупный мужчина с поредшими седыми волосами и длинным носом, который украсил бы лицо любого лорда, всегда держался с достоинством. Он торжественно указал на закрытую дверь библиотеки:

– Полагаю, леди Неттлшип занята с членами своего Общества исследований в области естественной истории и садоводства.

– Замечательно. И пожалуйста, Рэтбоун, не будьте столь угрюмым. Все не так уж плохо, по крайней мере они еще не подожгли библиотеку.

– Дело времени, – пробормотал Рэтбоун.

Виктория усмехнулась, проходя мимо дворцового к дверям библиотеки и на ходу снимая перчатки:

– Право же, Рэтбоун. Вы состоите на службе у моей тети с тех пор, как я себя помню, и она еще ни разу не поджигала свой дом.

– Прошу прощения, мисс Хантингтон, но уже был случай, когда вы вместе с ней экспериментировали с порохом, – почтительно напомнил ей Рэтбоун.

– Что? Неужели вы до сих пор не можете забыть нашу жалкую попытку устроить свой собственный фейерверк? Однако у вас долгая память, Рэтбоун.

– Некоторые моменты нашей жизни врезаются в память и сохраняют свою свежесть даже через много лет после того, как произошло само событие. Что касается меня, я никогда не забуду лицо старшего лакея в тот момент, когда произошел взрыв. На одну ужасную секунду нам показалось, что вы погибли.

– Но как выяснилось, меня только слегка оглушило. Все так перепугались просто потому, что меня с ног до головы засыпало пеплом, – попыталась утешить его Виктория.

– Если мне позволено будет выразить мое мнение, вы были бледны как смерть, мисс Хантингтон.

– Наверное, это выглядело довольно эффектно, не правда ли? Но не стоит вспоминать о прошлых подвигах. Нас ждет еще множество новых захватывающих загадок природы, которые мы должны исследовать. Пойду посмотрю, что затевает моя тетя сегодня.

Рэтбоун следил за тем, как лакей открывает перед Викторией дверь библиотеки, и, судя по выражению его лица, он приготовился к любому зрелищу, которое могло открыться его утомленным очам.

Сначала в комнате вообще ничего нельзя было увидеть. В библиотеке царила полная темнота, погасили даже огонь в камине. Виктория осторожно переступила порог, тщетно пытаясь хоть что-то различить в непроницаемой тьме. Из глубины комнаты послышался щелчок, там поворачивали ручку какого-то механизма.

– Тетя Клео?..

Ответом Виктории была яркая дуга ослепительно белого света. Она вспыхнула в крошечной тьме и высветила небольшую группу людей, собравшихся в кружок посреди комнаты. Чер-

ные силуэты рельефно проступили, освещенные яркой вспышкой. Небольшая группка наблюдателей восторженно вздохнула.

Через секунду гигантская искра погасла, и раздались радостно-возбужденные голоса.

Виктория с улыбкой обернулась к открытой двери, возле которой застыли Рэтбоун и лакей.

– Сегодня вам беспокоиться не о чем, – заверила она их. – Члены общества просто забавляются с новой электрической машиной лорда Потбери.

– Вы меня очень успокоили, мисс Хантингтон, – холодно заметил Рэтбоун.

– Викки, дорогая, ты вернулась, – прозвучал веселый голос из темноты. – Как тебе понравилось у Атертонов? Входи, мы как раз начали серию захватывающих экспериментов.

– Я так и поняла. Жаль, что опоздала немного. Ты же знаешь, как я люблю опыты с электричеством.

– Конечно, знаю, дорогая. – Тетя Клео вступила в полосу света, падавшего из открытой двери, и направилась навстречу своей племяннице.

Леди Неттлшип почти не уступала ростом Виктории, ей недавно минуло пятьдесят, и ее темные волосы изысканно серебрила седина. У нее были выразительные глаза и живое, воодушевленное лицо, так выгодно отличающее всех женщин в семье Виктории.

Именно это качество делало их красивыми даже в том возрасте, которого достигла тетя Клео, хотя равнодушный знаток не обнаружил бы в ее чертах никаких особых признаков совершенства. Как обычно, тетя Клео была одета по моде, ее платье цвета спелого персика облегало все еще стройную фигуру.

– Закройте дверь, Рэтбоун, – коротко распорядилась леди Неттлшип, – эта машина гораздо эффектнее смотрится в темноте.

– С удовольствием, мэм. – Рэтбоун кивнул лакею, тот с явным облегчением захлопнул дверь, и библиотека вновь погрузилась в темноту.

– Иди сюда. – Тетя Клео крепко взяла племянницу под руку и повела ее через комнату к небольшой группке людей, по-прежнему окружавших электрическую машину. – Ты ведь всех здесь знаешь, не так ли?

– Конечно, – ответила Виктория, припоминая лица – те, что она успела разглядеть при вспышке света. Гости леди Неттлшип уже привыкли к мелким неудобствам вроде приветствий в адской темноте.

– Добрый вечер, мисс Хантингтон.

– Ваш покорный слуга, мисс Хантингтон. Вы очень красивы сегодня. Просто неотразимы.

– Мое почтение, мисс Хантингтон. Вы как раз вовремя – сейчас начинаем следующий эксперимент.

Виктория сразу узнала эти мужские голоса: лорд Потбери, лорд Гримшо и лорд Тоттингхэм – самые верные поклонники ее тети. Лорду Потбери было за пятьдесят, лорду Тоттингхэму осталось совсем немного до семидесяти, Гримшо, насколько Виктория могла припомнить, недавно отпраздновал свое шестидесятилетие.

Все трое с незапамятных времен ходили перед тетушкой на задних лапках. Виктория сомневалась, чтобы наука с самого начала увлекала их так же сильно, как их даму, но со временем все трое превратились в страстных экспериментаторов и коллекционеров-ботаников.

– Пожалуйста, продолжайте ваши опыты, – попросила Виктория. – Я посмотрю один или два, а потом отправлюсь спать. Вечер у леди Атертон получился довольно утомительным.

– Конечно, конечно, – сказала тетя Клео, похлопав ее по руке. – Потбери, может быть, на этот раз вы позволите Гримшо вращать ручку?

– С удовольствием, – ответил Потбери. – Честно говоря, я уже устал. Давайте, Гримшо. Нужно надавить на нее с усилием.

Гримшо что-то пробормотал в ответ, и через секунду Виктория снова услышала шелчок поворачивающейся ручки. Шелковая ткань все быстрее терлась о длинный стеклянный цилиндр, накапливая электрический заряд. Все замерли в ожидании, и вот в темноте вновь вспыхнули и заплясали искры белого света. Восхищенные вздохи вновь нарушили тишину комнаты.

– Я слышал, с помощью электричества пытались оживить мертвецов, – объявил Потбери кучке внимательных слушателей.

– Потрясающе, – промолвила тетя Клео, тут же увлекшись этой идеей. – И что из этого вышло?

– Добились судорог в руках и ногах, ничего больше. Я сам проводил такие опыты на лягушке. Очень легко добиться нескольких сокращений в мышечной ткани, но ожить она не может. Не думаю, чтобы это направление исследований привело нас к чему-нибудь интересному.

– А где же они брали трупы? – спросила Виктория, не в силах справиться со своим любопытством.

– У палача, – ответил Гримшо, – где же еще? Уважающий себя экспериментатор не будет рыться в могилах, сами понимаете.

– Если это были трупы висельников, тем лучше, что они не ожили, – провозгласила леди Неттлшип. – Какой смысл тратить столько времени и сил на то, чтобы поймать и повесить головореза, если через пару дней он уже будет разгуливать живехонький только потому, что кому-то вздумалось поэкспериментировать с электричеством?

– Да. – Виктория почувствовала дурноту при одной мысли, что такое возможно. Это слишком походило на ее повторяющийся каждую ночь кошмар. – Я согласна с тобой, тетя Клео. Нет смысла избавляться от негодяев, если они потом снова оживут.

– Учитывая, как сложно добыть трупы для экспериментов, я ничуть не удивляюсь, что кое-кто зарабатывает себе на жизнь, воруя покойников, – раздался в темноте дрожащий голос леди Финч. – Я слышала, похитители трупов прошлой ночью снова разорили небольшое кладбище возле Лондона. Вырыли два тела, которые были только что погребены.

– Чего еще ожидать? – спокойно откликнулся Потбери. – Университетским врачам в Эдинбурге и Глазго нужно ведь кого-то резать. Нельзя выучить хорошего хирурга без практики. Эти похитители трупов действуют незаконно, но на их товар существует немалый спрос.

– Извини, – шепнула Виктория на ухо тете, понимая, что обсуждение торговли трупами привлекло всеобщее внимание, – я думаю, мне лучше пойти спать.

– Отдохни как следует, дорогая. – Тетя ласково похлопала ее по руке. – Да, напхни утром, чтобы я показала тебе замечательную коллекцию жуков, которую принесла леди Вудбери. Она собрала ее во время поездки в Суссекс. Леди Вудбери была так любезна, что согласилась оставить мне свое сокровище на несколько дней для изучения.

– С удовольствием посмотрю. – На этот раз в голосе Виктории прозвучал подлинный энтузиазм. Коллекция жуков интересовала ее не меньше, чем новое экзотическое растение из Америки или Китая. – Но сейчас я все-таки пойду спать...

– Спокойной ночи, дорогая. Ты не должна переутомляться. По-моему, последнее время ты слишком много выезжаешь. Тебе стоило бы хоть раз вернуться домой пораньше.

– Наверное, ты права. – Виктория выбралась на ощупь из темной библиотеки, поморгала, привыкая к яркому освещению в холле, и направилась к покрытой красным ковром лестнице. Когда она добралась до своей площадки, ее снова охватило предчувствие приключений.

– Можете идти, Нэн, – сказала она молоденькой горничной, входя в свою нарядную и изящную, выполненную в золотых, желтых и белых тонах спальню.

– Но как же ваше чудесное платье, мэм? Я помогу вам раздеться.

Виктория с улыбкой сдалась, понимая, что, если откажется от помощи Нэн, лишь вызовет ненужные расспросы. Она постаралась как можно скорее отпустить служанку и снова повернулась к своему платяному шкафу.

Из-под кучи шалей она извлекла бриджи, а из кипы одеял – сапоги. Жилет ждал Викторию там, где она его спрятала, – в глубине большого деревянного ящика. Можно было приниматься за дело.

Через несколько минут Виктория критически осмотрела свое отражение в зеркале шкафа. Несколько недель она по частям собирала мужской костюм и теперь решила опробовать его.

Бриджи слишком плотно облегли бедра, подчеркивая их женственность, но тут уж ничего не поделаешь. Оставалось надеяться, что фалды темно-синего плаща и ночная темнота скроют наиболее явные признаки ее пола. Зато грудь у нее была небольшая, и Виктории легко удалось скрыть ее под мужской рубашкой и желтым жилетом.

Залихватски водрузив на коротко подстриженные волосы касторовую шляпу, Виктория осталась довольна собой. Она была уверена, что по крайней мере ночью ее примут за молодого денди. В конце концов, люди видят только то, что они рассчитывают увидеть.

Нетерпеливое ожидание нарастало в ней, и Виктория внезапно поняла, что предвкушает не столько визит на ярмарку, сколько новую встречу с графом Стоунвейлом.

Аннабелла, должно быть, права, утверждая, что Стоунвейл истинный джентльмен, иначе ни леди Атертон, ни Берти Линдвуд не поддерживали бы с ним знакомство. Но женщина, особенно состоятельная, не может положиться даже на честь джентльмена. Виктория прекрасно усвоила урок, преподанный ей отчимом. И все же она надеялась, что будет в достаточной безопасности, если ей удастся контролировать ситуацию.

Она успокоилась, на губах у нее заиграла легкая уверенная улыбка. Виктория обладала огромным опытом по части контроля ситуации.

Пройдя по пушистому синему ковру, она уселась в желтое бархатное кресло возле окна. Еще немного выждать – и можно выбираться из дому.

Сегодня ей наконец удастся избежать ночных кошмаров, преследующих ее в долгие предрассветные часы, сегодня не придется вспоминать о той страшной опасности, которую ей когда-то пришлось пережить, не придется вновь и вновь думать о том, возможно ли вернуть к жизни мертвеца с помощью электричества.

Полночь уже близка, и это замечательно. Если повезет, ей удастся провести почти всю ночь на ногах, и не останется времени для тех страшных видений, что все чаще вторгаются в ее сны. Виктория уже боялась ночных кошмаров. Легкая дрожь пробежала по ее телу даже теперь, когда она старалась отодвинуть воспоминания в самый дальний уголок своего сознания. У него в руке был нож. Нож!

Нет, сегодня этот кошмар не настигнет ее. Если повезет, она не вернется домой до самого рассвета. Днем Виктория ничего не боялась. Но она научилась бояться темноты.

Виктория взглядела в полный тенью сад и попыталась представить себе, какое будет лицо у Стоунвейла, когда он увидит ее в мужском костюме.

Она радостно предчувствовала его изумление, представляла его озадаченный взгляд, и этого было достаточно, чтобы изгнать последний терзающий ее душу призрак.

Лукас выглянул из окна кареты и нахмурился, пытаясь различить хоть что-то в ночном мраке. Настроение у него было скверное:

– Что за сумасбродство! Почему бы мисс Хантингтон не встретить нас у парадного входа?

– Я же говорила вам, – запротестовала Аннабелла Линдвуд, – ее тетя все понимает, но Виктория опасается, что на этот раз даже тетя Клео может воспротивиться нашим планам на сегодняшний вечер.

– Я рад, что еще хоть один человек, кроме меня, сохранил остатки здравого смысла, – проворчал Лукас. Он обернулся к своему спутнику: – Я думаю, Линдвуд, на всякий случай нам надо договориться, где мы найдем друг друга, если вдруг потеряемся в толпе.

– Прекрасная идея, – с жаром подхватил Линдвуд. Для него было огромным облегчением занять Лукаса своим спутником и полководцем. – Наверное, лучше всего оставить карету, чтобы она ждала нас в условленном месте, где-нибудь в стороне от толпы?

Лукас быстро обдумал его предложение и кивнул:

– Возле парка трудно будет развернуть карету. Скоро толпа заполнит все ближайшие улицы и станет совершенно неуправляемой. Скажи кучеру, если он не найдет нас на том же месте, где высадил, пусть отъедет на два квартала и ждет возле маленького кабачка «Собачий зуб».

Линдвуд кивнул, на его красивом лице читалась озабоченность.

– Я знаю это место, и кучеру, разумеется, оно тоже известно, – заверил он. – Хочу еще раз выразить вам свою признательность, Стоунвейл, я чрезвычайно благодарен вам за то, что вы присоединились к нам. Раз уж леди нацелились на приключение, мужчине не под силу их остановить, верно?

– Это мы еще посмотрим, – откликнулся Стоунвейл.

Аннабелла, нарядившаяся в изящное прогулочное платье синего цвета с синей накидкой в тон, засмеялась:

– Если вы надеетесь помешать Виктории делать все, что ей заблагорассудится, вас ждет большой сюрприз, милорд.

– Я так понимаю, мисс Хантингтон весьма склонна к подобным забавам?

Аннабелла снова хихикнула:

– С Викторией не соскучишься, уверяю вас, но подобное приключение она затеяла впервые. Она говорила мне, что все обдумала заранее.

– Похоже, мисс Хантингтон давно уже нужен муж, который мог бы руководить ею, – заметил Лукас и сердито обернулся к Аннабелле – ее хихиканье стало несносным: – Я сказал что-нибудь смешное?

– Мисс Хантингтон надеется прожить всю жизнь без мужского руководства, – сообщила Аннабелла.

– Я понял, что она боится попасть в ловушку из-за своего состояния, – осторожно продолжал Лукас. Ему хотелось получить более подробные сведения, но он опасался привлечь к себе внимание излишними расспросами.

– Она вообще боится замужества, – ответила Аннабелла уже совершенно серьезно. – В своей семье она видела только самые печальные примеры того, чем может обернуться для женщины брак. На нее столько лет охотились из-за ее состояния, что в конце концов у бедняжки пропало всякое желание выходить замуж. Иногда я думаю, наверное, она права. Что хорошего может принести женщине замужество?

– Черт побери, Белла, – резко вмешался ее брат, – ты опять болтаешь глупости. Надеюсь, тебе не придется в голову последовать примеру мисс Хантингтон? Мне не хотелось бы, чтобы у мамы опять случилась истерика. Признаться, хотя Виктория и очаровательна и ее тетя близкий друг нашей мамы, я даже не знаю, правильно ли я поступаю, позволяя тебе дружить с ней. Все, что происходит сегодня, тоже из-за нее. Чем скорее ты выйдешь замуж, тем лучше. Слава богу, Бартон, кажется, уже почти созрел.

Аннабелла с притворной скромностью улыбнулась в тени кареты:

– Я знаю, тебе не терпится избавиться от ответственности, Берти, но я вынуждена обмануть твои ожидания. Хорошенько все обдумав, я пришла к выводу, что тебе придется отказать лорду Бартону, когда он надумает сделать мне предложение.

– «Хорошенько все обдумав» означает только, что ты уже обсудила этот вопрос с мисс Хантингтон, – сердито возразил брат.

– Насколько я припоминаю, мы и в самом деле говорили об этом, – безмятежно ответила Аннабелла. – Мисс Хантингтон, как всегда, очень внимательно отнеслась к моим проблемам и объяснила мне, какова будет моя жизнь с Бартоном.

Последнее замечание вызвало у Лукаса столь живой интерес, что он решился вмешаться в родственную беседу:

– Каким образом мисс Хантингтон сумела составить себе мнение о Бартоне?

– Кажется, он пытался ухаживать за ней несколько месяцев назад. Воспользовавшись этой возможностью, она все о нем разузнала.

– Вот как? – Лукас чувствовал, что в голосе его звучит лед. – И что же она узнала о нем?

– Да так, пустяки, например, выяснилось, что Бартон прижил уже одного или двух детей со своей любовницей, что он регулярно напивается до такого состояния, что кучеру приходится вносить его в дом на руках, и еще он питает пристрастие к игорным домам, – на одном дыхании выложила все Аннабелла.

– Послушай, – проворчал Линдвуд, – надо прощать людям небольшие грешки.

– В самом деле? – знакомый громкий женский голос неожиданно ворвался в открытое окно кареты. – А виконт Бартон так же легко отнесся бы к подобным грешкам своей невесты?

Лукас резко обернулся. Даже звук ее голоса вновь будил в нем то чувственное желание, что он испытал в доме леди Атертон, наблюдая за Викторией. Он сумел скрыть свое волнение, хладнокровная рассудительность, которую он выработал в себе с годами, и на этот раз пришла ему на выручку. Лукас готов был по всем правилам приветствовать «свою невесту».

Но вместо очаровательной женщины в элегантном платье и шляпке он неожиданно увидел перед собой фигуру, облаченную в мужской костюм. Смеющиеся глаза выглядели из темноты, бросая ему вызов.

– Господи, – пробормотал Лукас сквозь зубы, – это просто безумие.

– Нет, милорд, это всего-навсего развлечение.

Услышав, как грум спускается со своего места рядом с кучером, чтобы по всем правилам помочь ей сесть в карету, Лукас опомнился. Он распахнул дверцу, прежде чем до нее добрался слуга, и решительно схватил Викторию за руку.

Она не успела понять, что он собирается делать. Лукас готов был к встрече с дамой, склонной к легким приключениям, но он не знал, как вести себя с этой сумасшедшей.

– Залезайте в карету, маленькая плутовка, пока вас не узнали! – Одним рывком он втащил Викторию в карету – так, что она, потеряв равновесие и задохнувшись, плюхнулась на кожаное сиденье возле Лукаса. Она потянулась к кастровой шляпе, поправляя ее на голове, и Лукас заметил, что в руке леди сжимает массивную дорогую трость.

– Благодарю вас, милорд, – насмешливо произнесла она.

Лукас оставил без внимания ее выпад:

– Едем скорее, Линдвуд.

Линдвуд послушно постучал концом трости в крышу кареты.

– В парк, любезный! – крикнул он кучеру.

Карета покатила, и Аннабелла улыбнулась, приветствуя Викторию:

– Ты прекрасно выглядишь в этом наряде, Викки. Вероятно, в подражание Брумелю ты выбрала синий цвет? Насколько я знаю, он очень любит синий, но ты, кажется, обычно предпочитаешь желтый.

– Я боялась, что желтый плащ будет слишком привлекать внимание, – призналась Виктория.

– Поэтому ты ограничилась желтым жилетом. Я восхищена твоей умеренностью, дорогая! А кто же повязал тебе галстук? Я в жизни не видела такого элегантного узла.

– Тебе нравится? – Виктория коснулась пальцами искусно завязанного узла. – Это мое личное изобретение. Я собираюсь ввести его в моду и назвать «Виктория».

Аннабелла рассмеялась, словно рассыпались жемчужинки:

– Клянусь тебе, Викки, ты говоришь, совсем как денди с Бонд-стрит. Ты так точно копируешь их тон! Этак небрежно, чуть скучающе. Ты вполне могла бы поступить на сцену и зарабатывать себе на жизнь как актриса.

– Спасибо, Белла. Такая похвала мне по душе.

Лукас откинулся на подушки, рассматривая критическим взглядом сидевшую рядом с ним Викторию. Первое потрясение прошло, уступив место досаде и непонятному смущению, какого он никогда прежде не испытывал. Было ясно, что Виктория Хантингтон не прочь поозорничать, но это озорство может довести ее до беды.

– И часто вы появляетесь в таком виде, мисс Хантингтон? – Лукас понимал, что разговаривает с ней тем тоном, которым привык обращаться к молодым офицерам своего полка, когда они наживали себе неприятности. Но он не мог сдержать себя, он и вправду был рассержен.

– Это мой первый эксперимент с мужским костюмом, сэр, но, откровенно говоря, я собираюсь еще не раз воспользоваться им в будущем. Я нахожу, что этот мужской наряд предоставляет мне гораздо больше возможностей, чем женское платье, – призналась Виктория.

– Гораздо больше возможностей навлечь на свою прекрасную головку гнев и презрение всего общества! Если разнесется слух, что вы имеете обыкновение разгуливать ночью по улицам Лондона, нарядившись в мужской костюм, от вашей репутации в двадцать четыре часа останутся одни воспоминания.

Виктория решительно стиснула рукоять трости:

– Очень странно слышать это от вас, сэр. Меня удивляет ваше отношение. Я не думала, что вы такой ханжа. Должно быть, меня ввело в заблуждение ваше предложение сыграть в карты посреди званого вечера. Неужели вы совсем не любите приключения? Подозреваю, вы их не любите, иначе вы не входили бы в число лучших друзей леди Атертон, не так ли?

Эта женщина обдуманно расставляла ему ловушку. Лукас предпочел бы остаться в эту минуту с ней наедине.

– Не знаю, что вы хотите этим сказать, мисс Хантингтон, но, смею вас заверить, репутация леди Атертон безупречна.

– Именно это я и хотела сказать. Всем известно, что Джессика Атертон и за миллион лет не решилась бы оказаться среди ночи в этой карете, направляющейся на ярмарку, – подхватила Виктория.

– Вот уж действительно! – хихикнула Аннабелла.

– Вы смеете утверждать, что леди Атертон ханжа? – потребовал ответа Лукас.

Виктория пожала плечами, тесно облежавший ее тело жилет подчеркивал каждое движение.

– Я не имела в виду ничего обидного, милорд. Просто она не из тех женщин, которые обожают приключения. Естественно, я предполагаю, что и ее друзья чрезвычайно разборчивы в развлечениях и не одобряют людей с более свободными вкусами.

– Значит, вы из тех женщин, которые обожают приключения? – поддразнил ее Стоунвейл.

– О да, милорд. Я страшно их люблю.

– Настолько, что готовы рискнуть своим положением в свете?

– Без настоящего риска нет и настоящего приключения, не правда ли, милорд? Полагаю, такой удачливый игрок, как вы, должен понимать это.

Ее слова только усилили пробудившуюся в Лукасе тревогу.

– Может быть, вы и правы, мисс Хантингтон. Но я всегда предпочитал рисковать, когда на моей стороне больше шансов на удачу.

– У вас, должно быть, скучная жизнь, сэр.

Лукас готов был уже ответить на эту насмешку, но сумел вовремя остановиться. Самообладание и рассудительность вернулись к нему. Ни в коем случае нельзя допустить, чтобы желанная добыча с самого начала окрестила его ханжой и занудой. Интуиция подсказывала ему, что Виктория охотно примет любой вызов или даже ринется в сражение, но если он ей наскучит, она просто пройдет мимо.

Ханжа и зануда. Мой бог! При одной мысли, что он мог заслужить подобный ярлык, Лукас готов был расхохотаться. Никогда еще он не устаивался подобными комплиментами. Однако в обществе мисс Хантингтон Лукас, к своему удивлению, очень быстро почувствовал вкус к соблюдению приличий. Он все еще не мог опомниться от потрясения, которое вызвал в нем ее мужской костюм.

Виктория уже не обращала на него внимания. Она всю улыбалась Аннабелле:

– Значит, ты все-таки решила отвергнуть предложение Бартона? Я рада это слышать: он был бы просто ужасным мужем для тебя, дорогая.

– Я уверена, что ты совершенно права. – Аннабелла выразительно повела плечами. – Я могла бы еще смотреть сквозь пальцы на его пристрастие к азартным играм, но выйти замуж за человека, у которого двое детей от какой-то несчастной женщины? Он не пожелал даже дать им свое имя!

– У него нет понятия о чести! – мрачно подтвердила Виктория.

Лукас взглянул в ее лицо в сумраке кареты:

– Как вам удалось узнать о незаконных отпрысках Бартона? Не думаю, что подобная сплетня коснулась ваших ушей на балу у леди Атертон.

– Разумеется, нет. Я наняла сыщика, чтобы он собрал все сведения о Бартоне, он и сообщил мне о его детях и любовнице.

Лукас похолодел от ужаса:

– Вы наняли сыщика с Боу-стрит?

– Я подумала, что это лучший способ решить проблему.

– Замечательный способ! – подхватила Аннабелла.

Линдвуд застонал:

– Боже, если бы наша мама это слышала. Бедняга Бартон... Мне кажется, ты в самом деле нравишься ему, Белла.

– А вот я в этом сомневаюсь, – живо возразила Виктория. – Его семья решила, что ему пора жениться, и он подыскивает невесту, которая пришлась бы по душе его отцу. В прошлом году он испытал свои чары на мне, но я растолковала ему, что я на эту роль никак не гожусь, и тогда он попытал счастья с мисс Пилкингтон Само Совершенство. Судя по всему, ей хватило здравого смысла распознать в нем обычного охотника за приданым. Теперь он принялся за Беллу и решил сделать ей предложение. Вот и вся история.

– Мисс Пилкингтон Само Совершенство? – Лукас переводил взгляд с одного женского лица на другое. – Почему вы называете ее совершенством?

– Потому что она – совершенство, – попыталась растолковать ему Аннабелла. – Она в жизни своей не сделала ни одного промаха. Образец совершенства и столп добродетелей!

– Вам все станет ясно относительно мисс Пилкингтон, если узнаете, что она протеже леди Атертон, – добавила Виктория.

– Понятно.

Так вот почему Джессика хотела представить его еще одной богатой невесте. Лукас готов поспорить на что угодно: если бы он предпочел ухаживать за мисс Пилкингтон, ему бы не пришлось сейчас сидеть в карете рядом с девицей, дерзнувшей вырядиться в мужской костюм. На миг Лукас засомневался, не совершил ли он все-таки сегодня вечером ошибку, но сразу

же решил, что, как ни велик риск, ему предстоит провести чрезвычайно увлекательную ночь в обществе мисс Хантингтон.

– Я так и думала, что вы поймете, милорд, – оживилась Виктория.

– По крайней мере одно мне ясно: из-за вашего вмешательства мисс Линдвуд никогда не узнает, какие чувства испытывал к ней Бартон, – сухо заметил Лукас. – И Бартон никогда не узнает, что его выследил наемный сыщик по поручению некоей мисс Хантингтон. Вы даже не оставили ему шансов защитить себя.

– Защитить себя?! – возмутилась Виктория. Глаза ее так и сверкали в полумраке. На этот раз в ее прямом, вызывающем взгляде не было ни искорки смеха. – Вы полагаете, сыщик обманул меня?

Лукас не уступал позиций и старался сохранить непринужденный тон:

– Я полагаю, вы вмешались не в свое дело. У него могут быть смягчающие обстоятельства.

– Ха! Вот уж в чем я сомневаюсь! – отрезала Виктория.

– И я тоже, – вклинилась в их спор Аннабелла, – только вообразите, бросить бедную женщину с двумя детьми!

Линдвуд неловко пошевелился на краю сиденья:

– А вам, молодые леди, вовсе не следовало бы знать о незаконных отпрысках Бартона. Вам не подобает даже обсуждать такие вещи, не правда ли, Стоунвейл?

– Такой разговор совершенно неуместен в устах девушек из высшего общества, – пробормотал Лукас, с грустью сознавая, что теперь Виктория окончательно запишет его в зануды и ханжи.

Виктория торжествующе усмехнулась:

– Позвольте мне напомнить вам, лорд Стоунвейл, что, если мои слова кажутся вам слишком резкими для вашего нежного уха, вы легко можете найти выход – выход из этой кареты.

В эту минуту Лукас осознал, что Виктория почти сокрушила его железное самообладание, чего уже много лет не удавалось никому, и сделала это без особых усилий. Да, леди опасна. Пожалуй, чтобы контролировать ситуацию, ему надо быть поосторожнее.

Лукас откашлялся:

– Мой слух не пострадает от вашей эксцентричной манеры выражаться, мисс Хантингтон. Я не могу сейчас покинуть карету. Честь вынуждает меня уплатить сполна мой карточный долг.

– Ха! При чем тут честь и карточный долг! Вы просто-напросто шантажировали меня.

– Позвольте вас уверить, что шантаж не может быть простым делом, если в роли жертвы выступаете вы.

При этом насмешливом комплименте глаза Виктории сверкнули озорством, и Лукас почувствовал, как все его тело напряглось от чувственного желания. Он сложил руки на груди и откинулся назад, не отводя взгляда от ее глаз. В эту минуту он отдал бы душу за то, чтобы остаться наедине с этим колдовским созданием. Он, не раздумывая, уложил бы ее на сиденье кареты и показал бы ей, чем она рискует, открыто бросая ему вызов.

На миг между ними повисло напряженное молчание. Наконец Виктория, не выдержав его взгляда, моргнула и отвела глаза – Лукас понял, что она разгадала его мысли.

Однако Лукас недолго радовался своей победе. Он уже понимал, что, решившись ухаживать за Викторией, он подверг себя гораздо большему риску, чем казалось вначале. С помощью Джессики Атертон и своего умения играть в карты Лукас надеялся достаточно долго скрывать от светского общества состояние своих дел – до тех пор, пока не найдет себе невесту. Как обычно, он тщательно продумал план действий.

Но если выбранная им невеста вздумает нанять сыщика для расследования его дел, скорее всего правда обнаружится. Миф о его богатстве развеется в прах. Лукас подумал, что добиться именно этой девушки – задача, сложнейшая из всех, что ему доводилось решать в жизни. Одно неверное движение, один просчет в игре – и он потеряет все.

– Сколько времени вы отвели на сегодняшнее приключение, мисс Хантингтон? – Лукас старался говорить равнодушно.

– А в чем дело? У вас намечена еще какая-нибудь встреча? – далеко не любезным тоном спросила она.

Он понял, что Виктория забрасывает удочку в расчете узнать, не собирается ли он позже вечером на свидание с любовницей.

– Нет, других планов у меня нет. Мы с Линдвудом должны предупредить кучера, чтобы карета ждала нас в условленном месте, и на случай, если мы потеряемся в толпе, нужно решить, в котором часу мы отправляемся домой.

– Да, понимаю. Я думаю, двух часов нам хватит, чтобы как следует развлечься.

Аннабелла тихо вздохнула:

– Боюсь, так долго я не смогу, Викки. Через два часа мама уже вернется с вечера у Мильриков, и к тому времени мне надо быть дома.

Лукас постарался скрыть свое облегчение:

– Стало быть, час?

– Мне кажется, часа вполне хватит, – поспешно вставил Берти Линдвуд.

– Больше времени у нас нет, – с сожалением повторила Аннабелла.

– Что ж, прекрасно. – Виктория слегка огорчилась, но примирилась с неизбежным. – Час так час. Если поспешим, может быть, успеем все осмотреть.

Лукас ничего не ответил, в глубине души он сознавал, что ближайший час, несомненно, будет одним из самых долгих в его жизни.

Через полчаса он утвердился в своем мнении. Огромный парк весело сверкал множеством разноцветных фонариков, во все стороны тянулись бесконечные торговые ряды с мясными пирожками и элем, повсюду стояли цирковые палатки, где выступали акробаты и канатоходцы, а в других таких же палатках шло кукольное представление или играли в азартные игры.

В толпе перемешались все сословия. Здесь были лакеи, потихоньку улизнувшие из дома, хозяева мелких лавочек с супругами, подмастерья и продавщицы, развлекающиеся денди, сутенеры и проститутки, карманники и мальчишки из воровских притонов, военные и матросы – все сбилось сегодня в эту огромную толпу, рассчитывая на ночные приключения.

– Милорд, – прошептала Виктория Лукасу, когда они остановились, чтобы купить пирожное. – Я понимаю, вас тревожит мой вызывающий костюм.

– Тревожит – слишком мягко сказано, мисс Хантингтон, – пробормотал Лукас, оглядывая округлую линию ее бедер, – эти чертовы штаны прилипли к вам, словно вторая кожа.

– Я с удовольствием дам вам адрес моего портного. Но пока что было бы лучше, если бы вы не держали меня под руку. Тот человек напротив давно уже устался на нас.

– Ад и все дьяволы! – Лукас выпустил ее руку, словно обжегшись. Он побагровел, представляя себе, что подумал о нем зевака – джентльмен держит под руку другого джентльмена, словно тот дама. – Подождите, этот ваш дурацкий наряд еще навлечет беду!..

– Никто ничего не заметит, если вы прекратите обращаться со мной как с женщиной. – Виктория преспокойно принялась за пирожное.

– Дело не в том, как я обращаюсь с вами, а в том, как сидят на вас эти бриджи.

Виктория провела пальцем по воротнику плаща:

– Я думала, плащ вполне надежно укрывает меня.

– У меня есть для вас новость: он вас ничуть не укрывает.

– Вы непременно должны ворчать весь вечер, милорд? Будьте так добры, припомните, что вы напросились сами. Я всего лишь невинная жертва вашего шантажа.

Лукас мрачно ухмыльнулся:

– Невинная жертва? Право, мисс Хантингтон, это определение не подойдет к вам – ни при каких обстоятельствах. Вы никогда не будете невинной жертвой.

Виктория посмотрела ему прямо в глаза, обдумывая его замечание:

– Наверное, мне следовало оскорбиться, но уж очень мне весело. Ой, смотрите, акробаты начинают новое представление. Пойдемте посмотрим!

Лукас огляделся:

– Я не вижу Линдвуда и его сестру.

– Берти хотел выпить еще эля. Они вернутся через минуту, не беспокойтесь, сэр.

– Я не беспокоюсь, мисс Хантингтон, я просто стараюсь соблюдать разумную предосторожность. По-моему, в нашей компании больше никто не расположен к этому.

– Все потому, что от разумной предосторожности никому никакого удовольствия! Ну же, быстрее, а то мы пропустим выступление акробатов.

Через несколько минут, когда Лукас позволил себе расслабиться и почти поверил, что этот час в парке обойдется без неприятностей, неожиданно разразилась катастрофа.

Возможно, все началось с чересчур большой петарды, от которой вспыхнул пожар. Или виной всему оказались две проститутки, требовавшие с солдата плату за свои услуги. Или же просто эта толпа, как и любая толпа в Лондоне, непременно должна была затеять свалку.

Как бы то ни было, множество веселых посетителей ярмарки в одно мгновение превратились в дикий, неуправляемый поток, безумный, способный лишь чинить разрушения. Над головой взрывались петарды, люди визжали и ругались, опасность сгущалась.

Лошади захрапели и начали рваться с привязи. Шайка мальчишек, воспользовавшись моментом, подхватила поднос с пирожками и бросилась прочь, а за ними, изрыгая проклятия в ночное небо, устремился продавец. Со всех сторон доносились вопли и взрывы фейерверка. Ближайший киоск вспыхнул, и все смешалось в опасном, ужасающем хаосе, в котором люди давили друг друга, бросались друг на друга, вырывали кошельки. Не исключено, что кто-нибудь в этой беснующейся толпе нашел свою смерть.

Лукас, почувствовав перемену в настроении толпы, отреагировал мгновенно. Второй раз за эту ночь пальцы его плотно сомкнулись на тонком запястье Виктории.

– Сюда, – приказал он, повышая голос, чтобы она расслышала его за гулом толпы. – За мной.

– Что же будет с Аннабеллой и Берти? – крикнула в ответ Виктория.

– Они сами позаботятся о себе, так же как и мы.

Виктория больше не пыталась спорить, за что Лукас был ей в высшей степени благодарен. Кажется, эта леди все-таки способна проявить хоть капелюк здравого смысла, когда в этом есть необходимость.

Ухватив ее за руку, Лукас притянул Викторию к себе, прокладывая сквозь толчею путь в надежное убежище узких аллей и улочек, примыкавших к парку. С самого начала было ясно, что с этой девицей хлопот не оберешься!..

Глава 3

Опасность, обрушившаяся на них словно гром с ясного неба, оглушила Викторию. В эту минуту единственная надежда на спасение была заключена для нее в этой сильной мужской руке, железной хваткой сжимающей ее запястье. Она слепо следовала за Лукасом, инстинктивно доверяя ловкости, с какой он использовал трость, прокладывая дорогу сквозь бушующую толпу.

Виктория почувствовала, как чьи-то чужие пальцы крепко вцепились в ее плащ, и догадалась, что ее пытаются ограбить. Кто-то рванул из рук Виктории инкрустированную трость. Не раздумывая, Виктория ударила тростью по алчным рукам.

Один из нападавших взвыл, и Лукас мгновенно обернулся. Одного быстрого взгляда ему хватило, чтобы понять: незадачливые грабители уже выпустили намеченную жертву.

– Умница! – похвалил он и вновь сосредоточился на своей задаче – пробиваться сквозь толпу.

Он не пытался идти поперек потока. Напротив, как догадалась Виктория, Лукас оседлал людскую волну подобно гребцу, использующему сильное течение. Он лавировал, упорно пробираясь к берегу этой дикой, мятущейся реки, шаги его были сильны и упруги, несмотря на хромоту. Лукас не пытался бежать сломя голову и толкаться – это только ухудшило бы их положение. Было видно, что он давно научился справляться со своей хромотой.

Его холодное самообладание среди дикой суматохи показало Виктории, что Лукас из тех редких людей, кто не теряет голову в самых сложных ситуациях. Она чувствовала себя в безопасности, хотя толпа и бушевала вокруг, словно штормовое море.

Добравшись до края этой ревушей, толкающейся, бьющейся толпы, они смогли передвигаться свободнее. Лукас обдумывал следующий шаг, выжидая момент, когда они смогут вырваться из парка. Выбрав подходящую минуту, он одним движением увлек Викторию в темный проем между домами.

Виктория, спотыкаясь, спешила за ним в безопасный приют темной аллеи. Сапоги разъезжались по грязи, и ей пришлось задержать дыхание – такая вонь поднималась от мусорных куч, наваленных около домов.

Она уже решила, что опасность миновала, но тут у входа в аллею раздались грубые пьяные голоса:

– Сюда, сюда, приятель. Тащи фонарь. Говорю тебе, я видал, как они завернули сюда! Целых двое – богатые малые, судя по виду.

– Черт! – шепотом выругался Лукас. – Виктория, встаньте позади меня и пригнитесь.

Не дожидаясь, пока она исполнит его команду, Лукас рванул Викторию за руку и отправил ее себе за спину с такой силой, что она налетела на кирпичную стену. Еле удержавшись на ногах, она с тревогой поглядела в начало аллеи, где уже замерцал свет фонаря, и увидела двух молодых негодяев, вооруженных ножами. Они выследили свою добычу и теперь крадучись приближались к ней.

– Чего ждешь, Длинный Том? – повелительно обратился второй к своему приятелю. – Давай живо. Сегодня ночью будет полно работы для нашего брата.

Стоунвейл стоял неподвижно, заслоняя Викторию. Она увидела, как он достает какой-то маленький блестящий предмет из кармана пальто.

– Черт! У него пушка! – проворчал первый, когда фонарь высветил пистолет в руках застывшего в решительной позе Стоунвейла.

– Тонко подмечено, джентльмены, – скупающим голосом отозвался Стоунвейл. – Хотите проверить, как я стреляю?

Шедший впереди юнец споткнулся, второй полетел прямо на него. Фонарь упал в грязь, стекло лопнуло, и во все стороны посыпались искры. Бледное пламя померцало, отбрасывая на стену странные вытянутые угрожающие тени, и погасло.

– Черт бы меня побрал! – снова выругался первый юнец, оскорбленный до глубины души. – Пытаешься заработать себе на жизнь – и что с этого имеешь? – Он поднялся на ноги и, с трудом сохраняя равновесие, потащился назад к выходу из аллеи.

Второй грабитель тоже не нуждался в поощрении. Они услышали стук его башмаков по камням, приглушенное проклятие, и через несколько мгновений Виктория и Лукас остались в аллее одни.

Лукас не собирался терять время даром. Длинные аристократические пальцы снова сомкнулись вокруг запястья Виктории, и он быстро увлек ее по темной аллее к следующей улице.

Толпа еще не достигла ее, и здесь царила благословенная тишина. Виктория пыталась замедлить шаги и отдышаться, но Стоунвейл и не подумал остановиться, так что ей пришлось, задыхаясь, покорно следовать за ним.

– Лукас, я хотела вам сказать: вы справились с ними просто замечательно!

Лукас крепче сжал ее руку:

– Ничего этого не случилось бы, если бы вы не вбили себе в голову, что вам непременно надо сегодня ночью отправиться на ярмарку.

– Лукас, ну в самом деле...

– Остается только надеяться, что кучер Линдвуда запомнил наши указания, – оборвал ее Лукас, по-прежнему быстро увлекая Викторию за собой.

– Я очень беспокоюсь об Аннабелле и Берти, – запыхавшись, выдохнула Виктория.

– Правильно делаете.

Виктория вздрогнула – как он безжалостен, вновь и вновь предъявляя ей счет! Хуже всего, что он прав: замысел этого не слишком веселого приключения полностью принадлежал ей.

К счастью, Стоунвейл больше не произнес ни слова, до тех пор пока они не завернули за угол и не вышли на улицу, где кучер должен был их ждать в случае чрезвычайных обстоятельств. Виктория уже различала впереди знакомые очертания экипажа Линдвудов у входа в таверну, и у нее вырвался вздох облегчения, когда она разглядела две тени внутри кареты.

– Они в карете, Лукас! Они в безопасности. – Виктория залилась краской, слишком поздно заметив, что от волнения начала обращаться к Стоунвейлу по имени.

– Да. Выходит, сегодня нам все-таки повезло. – И он снова замолчал.

– Господи, мы так за вас волновались! – Линдвуд нагнулся, открывая им дверцу. – Боялись, что вас задавят в толпе. Скорее, здесь нельзя задерживаться, того и гляди толпа нагрянет сюда.

– Спокойнее, Линдвуд, никто и не собирается здесь задерживаться. – Лукас подтолкнул Викторию в карету и быстро последовал за ней, захлопнув за собой дверцу.

Карета тут же тронулась с места – и вовремя. Издали уже доносились крики разгоряченной толпы.

Виктория тревожно глянула на Аннабеллу:

– Как ты чувствуешь себя, дорогая?

Аннабелла стиснула руку подруги:

– Прекрасно! Когда началась паника, мы с Берти были у самого края толпы. Мы почти сразу смогли выбраться. Но я так беспокоилась за вас. Вы же оказались в самой гуще, верно?

– Едва выбрались, – подтвердила Виктория. Она освободилась от напряжения, сжимавшего ее еще минуту назад, и ее захлестнула эйфория от чудесного спасения. – Там, в переулке,

на нас напали двое молодчиков, хотели ограбить. Но Стоунвейл достал пистолет, и их как ветром сдуло. Он был великолепен.

– Боже мой, – прошептала потрясенная Аннабелла.

– Черт побери, Стоунвейл, – озабоченно нахмурился Линдвуд, – вы действительно были на волосок от беды. Никто из вас не пострадал?

– Мы чувствуем себя превосходно, Линдвуд, вы же видите. – Лукас намеренно говорил очень спокойно, пресекая дальнейшие расспросы. – Разве что маскарадному костюму мисс Хантингтон нанесен некоторый ущерб.

Виктория тронула рукой волосы и наконец-то заметила пропажу:

– Ой, кажется, я потеряла шляпу.

– Ваше счастье, что вы не потеряли большего, мисс Хантингтон. – И снова голос Стоунвейла показался ей чересчур спокойным.

Виктория искоса бросила взгляд на застывшее лицо Лукаса и поняла, что он в ярости. Впервые с той минуты, как она оказалась посреди разбушевавшейся толпы, Виктория почувствовала настоящий страх.

Когда карета остановилась, Лукас выглянул и осмотрел пустой переулок:

– Вы хотите выйти здесь, мисс Хантингтон? Но отсюда вам, пожалуй, далековато идти.

– Я не собираюсь входить через парадную дверь, – спокойно возразила Виктория, беря свою роскошную трость.

– Как же в таком случае вы попадете домой, если не через парадную дверь? – раздраженно спросил Стоунвейл.

– Перелезу через стену сада и проберусь через оранжерею – именно такой путь я уже сегодня проделала. Не беспокойтесь, милорд, я хорошо знаю дорогу домой.

Как только дверца отворилась, Виктория поспешила выйти из кареты. Она надеялась, что Лукас не сочтет своим долгом провожать ее.

– Спокойной ночи, Викки, – тихонько окликнула ее Аннабелла. – Это было замечательное приключение, правда?

– Еще бы! – подтвердила Виктория.

Лукас вышел из кареты вслед за Викторией.

– Подождите меня здесь, Линдвуд, – бросил он через плечо. – Я вернусь, как только переправлю в сад нашего маленького безрассудного денди.

Виктория встревоженно обернулась к нему:

– Не надо меня провожать, милорд. Уверяю вас, я сама прекрасно найду дорогу.

– Не желаю ничего об этом слышать. – Кажется, ему удалось различить тревогу в ее голосе, и теперь он насмешливо улыбался. – Прекрасно, – пробормотал он, подхватив Викторию под руку и увлекая ее в темноту, – наконец-то вы заметили, что я не в самом лучшем расположении духа. Предупреждаю вас, когда я сержусь, со мной лучше не спорить – так безопаснее.

– Милорд, – заговорила она, воинственно вскинув подбородок, – если вы хотите возложить на меня ответственность за случившееся сегодня вечером, вам лучше помолчать.

– Тем не менее вся ответственность действительно лежит на вас, мисс Хантингтон. – Лукас глянул на высокую стену сада, сплошь увитую плющом: – Как же мы попадем в сад?

Виктория попыталась вырвать руку, но Лукас словно и не заметил этой попытки, и, смирившись, она указала кивком головы в дальний конец тропинки:

– Там, дальше, можно перебраться.

Лукас молча повел ее за собой в указанном направлении. Наконец она остановилась у стены в том месте, где тяжелые гроздья винограда скрывали щели между кирпичами. Не про-

изнеся ни слова, Виктория нашла ногой невидимую в темноте выемку и подтянулась, ухватившись за лозу.

Лукас неодобрительно покачал головой, наблюдая снизу, как она карабкается по стене. Под его пристальным взглядом Виктория почувствовала себя нелепой и неуклюжей. У нее было еще маловато практики в скалолазании. Оставалось только надеяться, что лунный свет не слишком обрисовывает ее туго обтянутые бриджами бедра.

Тем временем Лукас ухватил свисающий конец лозы, нащупал носком сапога выемку в стене и тоже начал взбираться.

Оказавшись наверху, Виктория легко прыгнула на землю и увидела, что Лукас тоже готовится к прыжку. Она поспешно отступила, и он приземлился прямо перед ней. Виктория заметила, что большая тяжесть веса пришлась на его здоровую ногу, и Лукас выпрямился, даже не пошатнувшись.

– Милорд, – сердито прошептала она, – вы должны вернуться в карету, Линдвуды ждут вас.

– Но сначала я должен кое-что сказать вам. – Он остановился, оглядывая темный благоухающий сад, – высокая, сухощавая и грозная фигура, столь же темная и угрожающая, как сама ночь.

Виктория собралась с духом:

– Должна вас предупредить, Стоунвейл, я не намерена выслушивать нравоучения по поводу того, что произошло нынче вечером. Я и так уже прекрасно поняла, что нам не угрожала бы опасность, если бы я не затеяла поход на ярмарку.

– Вы совершенно правы, мисс Хантингтон.

Полное отсутствие каких-либо эмоций в его голосе напугало Викторию больше, чем самая гневная речь. Но тут Виктория вспомнила, как он спас ее в темном переулке. Она поры-висто тронула его рукав:

– Милорд, я очень обязана вам, но должна признаться, пока толпа не разбушевалась, мне было очень весело. Я даже не припомню, когда я еще так хорошо проводила время. – Она глубоко вздохнула и, не дождавшись ответа, продолжила: – Я хочу, чтобы вы знали, милорд: я думаю, вы вели себя выше всяких похвал. Как говорится, сохраняли хладнокровие под огнем. Вы вытащили меня из этой ужасной толпы... И потом, уверяю вас, я никогда не забуду, как вы разделались с разбойниками на аллее. За что я вам очень благодарна.

– Благодарны... – задумчиво повторил он. – Я не уверен, что этим вы достаточно вознаградили меня, учитывая все обстоятельства.

Виктория посмотрела на него, внезапно ощутив, как темен и пустынен сад тети Клео в этот ночной час. На какой-то страшный миг ей показалось, что Стоунвейл собирается дать волю своему гневу, и она не знала, что же ей делать, если это в самом деле произойдет. Она поспешно отступила на шаг:

– Милорд?

– Нет, – решительно произнес он, словно окончательно приняв решение, – вашей благодарности определенно недостаточно за все, что мне пришлось перенести и, без всякого сомнения, еще придется пережить с вами.

Неожиданно руки Лукаса опустились на ее плечи, и одним быстрым мягким движением он увлек Викторию к садовой стене.

Прежде чем Виктория успела понять, что происходит, Лукас обнял ее, и его крепкое, сильное тело прижалось к ней. Виктория внезапно ощутила себя совсем беззащитной.

Нога Лукаса скользнула меж ее ног. На миг Виктория застыла, потрясенная прикосновением его мускулистого бедра к своей ноге. Глаза Виктории распахнулись в лунном свете, и она посмотрела прямо в грозное лицо Стоунвейла.

– Строптивая, безрассудная девчонка, сорвиголова, дикарка, которую давно пора укротить, пока дело не дошло до серьезной беды. Будь у меня хоть капля здравого смысла, я покончил бы с этим раз и навсегда, – рявкнул Лукас.

Виктория облизнула пересохшие губы:

– С чем бы вы покончили, милорд?

– Вот с этим... – Его рот прижался к ее губам с хищной яростью и жаром, открывшим ей наконец, насколько опасно его дразнить.

Она готова была дать отпор его гневу, но оказалась не готова к неистовству обрушившегося на нее мужского желания.

Стоунвейл хотел ее.

На миг Виктория растерялась, ошеломленная натиском его страсти. Несколько раз ее целовали поклонники – чересчур смелые или доведенные до крайности, пару раз это случалось оттого, что она давала волю своему любопытству. Но она не знала еще такого глубокого, дерзкого, настойчивого поцелуя, который требовал от нее немедленного ответа.

Виктория задрожала, пальцы ее сомкнулись на руках Лукаса. Он ответил ей хриплым стоном и сильнее прижал к увивавшему стену плющу, прикосновение его бедра заставило Викторию раздвинуть ноги. Она почувствовала спиной жесткий ствол виноградной лозы, и от аромата листьев, смешавшегося с мускусным запахом мужчины, у нее вдруг все закружилось перед глазами, словно он увлек ее в быстром вихре вальса.

Виктория почувствовала, как язык Лукаса скользнул по ее нижней губе, и она инстинктивно открыла ему губы, так же как часом раньше последовала за ним из толпы в безопасное место.

Она вздрогнула, когда руки Лукаса обвили ее талию, но не сопротивлялась, хотя и знала, что должна; не сопротивлялась, даже когда его пальцы смело коснулись ее маленькой груди, слегка ее приподняв.

– Милорд, – наконец вымолвила она, когда Лукас оставил ее губы и ласково покусывал ее ушко. – Милорд, я не знаю... вы не должны...

– Я хочу, чтобы ты хорошенько запомнила меня, Виктория, – прошептал Лукас.

Она с трудом перевела дыхание, попыталась собраться с мыслями:

– Можете быть уверены, я никогда не забуду вас.

– Превосходно. – Он тихонько покусывал нежную мочку, не причиняя боли, но напоминая Виктории, насколько она уязвима. Эта странная ласка потрясла ее. Внутри у нее разгоралось тепло, сердце учащенно билось.

Она порывисто обняла Лукаса. Она вдруг поняла, что ей нравится его запах, ей нравилось проводить ладонью по его сильным плечам. И еще – она отчетливо ощущала его мужскую мощь под тугими бриджами.

– Это обещает действительно интересное приключение, – прошептал Лукас. Его гнев улетучился, оставив место только желанию – она видела, как оно сверкает в его глазах.

– Вы так думаете? – Виктория дерзко подняла на него глаза. Недавний прилив эйфории, вызванный избавлением от опасности, смешался с восторгом иного рода, незнакомым восторгом пробуждающейся плоти. Она почувствовала странную слабость и только теперь заметила, что держится за Лукаса.

– Вы сами еще этого не понимаете, но вы вручили мне ключ от вашей крепости. Теперь я знаю вашу тайну и предупреждаю вас: я использую ее, когда буду ухаживать за вами.

– Ухаживать за мной? – Виктория мгновенно очнулась от волшебной чувственной грезы.

– Я собираюсь ухаживать за вами, добиваться вас, соблазнить вас. Вы будете моей, Виктория. Только самый отважный, самый отчаянный из ваших поклонников сможет вынести те испытания, через которые мне придется пройти, чтобы вас завоевать, но в конце концов вы капитулируете. – Улыбка его в лунном свете была медленной, угрожающей и властной.

– Почему вы решили, что я капитулирую перед вами, милорд?

– Вы уступите мне потому, что у вас не будет другого выхода. Вы не найдете другого человека, который смог бы исполнить ваши желания, – ответил ей Лукас. – Когда вы во всем разберетесь, вы не станете противиться мне. Теперь, когда я знаю, чего вы ищете, чего жаждет ваша душа, вы у меня в руках.

– И чего же, по-вашему, я ищу, милорд?

– Приключений. – Он поцеловал кончик ее носа. – Необычайных приключений. – Он поцеловал ее веки, одно за другим. – Вам нужен спутник. Сегодняшняя ярмарка – пустяки по сравнению с тем, куда я могу повести вас. Вы побываете в таких местах, куда не осмелится явиться ни одна леди. Я могу показать вам ту сторону жизни, о которой даже не подозревает ни одна женщина из общества.

– Но это же опасно, – услышала она свой собственный шепот.

Ей казалось, он читает ее мысли.

– Вы можете исследовать неизвестный вам мир вместе со мной, и никто не узнает об этом. Вы же не собираетесь попасться и тем самым погубить свою собственную репутацию и положение вашей тети в свете.

Понемногу она начала понимать, что именно он ей предлагает. Она не в состоянии отказаться от такой приманки, и Лукас, очевидно, понимал это.

– Но, Лукас, если кто-нибудь узнает, разразится скандал.

– Все, что мы совершим между полночью и рассветом, останется тайной, в которую будем посвящены только мы двое. Я предлагаю вам сделку, Виктория, и вы не сумеете отказаться от нее. Я удовлетворю ваше любопытство, покажу вам изнанку жизни.

– Вы должны более четко сформулировать ваши условия, милорд. Что вы рассчитываете получить от меня взамен?

Лукас пожал плечами:

– Не так уж много. Даму, за которой я буду ухаживать днем, и компаньона, с которым я буду делить ночные приключения.

– Я не так глупа, чтобы поверить, что все так просто. Вы сказали, что собираетесь ухаживать за мной и добиваться меня, но я еще раз повторяю: я не намерена выходить замуж.

– Хорошо, хорошо, о замужестве мы вспоминать не будем, – успокоил он ее. – Мне, как и вам, нужен по ночам спутник. Я к вашим услугам. Мы проведем эти ночи так, как вы захотите. Единственное, о чем я прошу, – пусть у вас не будет никаких других приключений без меня.

– Вы вполне уверены, что больше ничего от меня не хотите за то, что будете моим спутником и защитником в полуночных вылазках?

– Пока – ничего. Остальное в руках судьбы. Мы будем играть вместе, Виктория. В опасную игру. В такую игру, в какую вы никогда не играли.

Виктория смотрела на него, зачарованная скрытой в его глазах уверенностью, околдованная его невероятными обещаниями. Она понимала, что ей следует бежать без оглядки, но не могла освободиться от его чар.

Виктория все еще чувствовала его ладонь у своей груди, и внезапно ей мучительно захотелось узнать, что она почувствует, если длинные мужские пальцы передвинутся выше и сожмут сосок. Она задрожала.

И снова Лукас прочел ее мысли. Его руки медленно скользнули вверх, обхватив округлости ее груди. Сквозь мужской жилет и рубашку Виктория ощущала его требовательные горячие ладони; заглушив вскрик, она прижалась к Лукасу.

Прежде чем силы вернулись к ней и она начала сопротивляться, руки Лукаса вновь скользнули вниз и замерли на ее талии. Виктория попыталась поглубже вдохнуть вечерний воздух. Все ее тело ныло от тоски по новым, еще более запретным ласкам.

– Так что же, Виктория? Вы согласны? Вы согласны играть роль моей леди днем и быть моим спутником ночью? У нас будут еще такие вечера, как тот, что мы только что провели вдвоем?

– Мне казалось, вы не одобряете моих приключений.

– Признаться, вначале я был шокирован вашей отвагой и вашим упрямством, но с тех пор я успел прийти в себя и решил, что ночные вылазки вместе с вами покажутся мне куда более интересными, чем вечер в клубе или в компании молодых девиц на выданье, – заверил ее Лукас.

Виктория еще колебалась, но в глубине души она уже сделала последний шаг с отвесного утеса.

– Но пусть все останется нашей тайной, – предупредила она, – никто не должен узнать об этом. Если тете станет известно, чем я занимаюсь, она с ума сойдет от страха; и потом, я не хочу, чтобы ей пришлось пережить унижение из-за меня. Она всегда очень добра ко мне, и я обязана ей больше, чем когда-либо смогу отплатить.

– Я буду свято хранить вашу тайну. Вы можете положиться на мое слово, – заявил Лукас.

И она поверила ему. Виктории не нужно было никаких доказательств, ибо слово этого человека надежно. Он не станет сплетничать в клубе или в гостиной, он будет обращаться с ней с обычной любезностью на балах и званых вечерах.

– Ох, Лукас, я бы так хотела, чтобы ночные приключения у меня были именно с вами.

Его губы вновь коснулись ее губ.

– Скажи да, Виктория. Скажи, что ты принимаешь мое предложение.

– Я должна подумать. Это слишком серьезный вопрос. Мне понадобится время, чтобы все решить.

– Позвольте мне завтра навестить вас и вашу тетю. Тогда вы и объявите мне ваше окончательное решение.

Она глубоко вздохнула, понимая, что уже вовлечена в опасную игру:

– Вы не любите терять время, милорд.

– Я никогда не любил терять время.

– Очень хорошо. Можете зайти к нам. – Она быстро обвила руками его шею, уже понимая, каков будет ее ответ. Потом отпустила его, внезапно почувствовав тревогу и даже смущение. Она оглянулась на темные окна дома: – Мне пора идти. Возвращайтесь к Линдвудам поскорее, пока они не встревожились из-за вашего отсутствия.

– Я скажу им, что не так-то легко вскарабкаться на стену сада, – весело ответил он.

Лукас изящно склонился к ее руке. Когда он поднял голову, она различила при свете луны знакомую неуловимую усмешку. В два шага он оказался у стены и сразу же отыскал выемки, куда можно было поставить носки сапог. И вот он уже растворился в ночи. Виктория постояла еще немного, пытаясь разобраться в том, что натворила, а потом вошла в оранжерею.

Она еще долго лежала в постели без сна, вспоминая прощальную улыбку Стоунвейла – самоуверенную, торжествующую.

Я собираюсь ухаживать за вами, добиваться вас, соблазнить вас!

Ей надо обдумывать каждый шаг, но все же с полуночным графом можно иметь дело, попыталась уверить себя Виктория. Ей надо научиться управлять им, другого выхода нет – отказаться от его предложения она не сможет. Именно в приключениях она нуждалась.

Впервые за многие месяцы Виктория безмятежно заснула и ее не мучили ночные кошмары.

Через десять минут после сцены в саду Лукас вышел из кареты Линдвудов, попрощался и поднялся по ступеням своего недавно унаследованного особняка. Дворецкий, которого, как

и всю немногочисленную прислугу, наняла для Лукаса Джессика Атертон, распахнул перед ним дверь.

– Отправьте всех спать, Григгс. Я собираюсь еще поработать в библиотеке, – распорядился Лукас.

– Хорошо, милорд.

Лукас прошел в библиотеку, где была собрана вся приличная мебель, уцелевшая в доме, и щедро налил себе портвейна. Проклятая нога опять разболелась. Все от этой беготни по ярмарке, а потом они карабкались по чертовой стене, да еще и прыгали с нее.

Он тихонько выругался и отпил большой глоток портвейна, зная по опыту, что тупая боль в бедре скоро отпустит.

На этот раз болела не только нога. Там, внизу, все еще билось и пульсировало желание, возбужденное ночной сценой в саду. Когда он прижал Викторию к стене сада, он ощутил податливость ее тела. Он еще помнил ее сладостный, воздушный аромат, который смешивался сейчас с ароматом старого доброго вина.

Взгляд Лукаса задержался на портрете, висевшем над камином. Лукас медленно поднялся, прошел по старому ковру и остановился, всматриваясь в хмурое лицо своего дяди.

Мейтлэнд Колбрук, предыдущий граф Стоунвейл, имел мало причин для веселья в последние годы жизни. Его преследовали болезни и меланхолия, он ненавидел всех и вся. Капризный характер Мейтлэнда прорывался порой вспышками безудержной ярости, и тогда он обрушивался на любого, кто только попадался ему под руку, – слуги уходили от него один за другим.

В юности Мейтлэнд Колбрук был склонен к разврату, выпивке, азартной игре и потасовкам. Он исчез из светского общества, промотав почти все фамильное состояние, до него уже основательно потрепанное его отцом.

Он стал затворником, оригиналом, который не поддерживал отношений не только с лондонскими знакомцами, но даже с ближайшими родственниками. Мейтлэнд осел в деревне, выкачивая все, что можно, из своего поместья. Он так и не женился, и, когда несколько месяцев назад смерть подступила к нему вплотную, он скрепя сердце вызвал к себе своего наследника – племянника, которого никогда до этого даже не видел.

Лукас прекрасно помнил их встречу. Мрачная спальня графа, затянутая выцветшими гобеленами и уставленная рассохшейся мебелью, была не так страшна, как сам Мейтлэнд Колбрук, сморщенный, бледный, возлежавший в кровати с бутылкой портвейна и настойкой опия.

– Это все будет твоим, племянничек, каждый чертов дюйм Стоунвейла. Если у тебя хватит здравого смысла, ты сразу же уйдешь отсюда, и пусть этот дом сгниет. От этой земли никогда не было толку, – проскрипел он, сжимая костлявыми пальцами грязное одеяло и злобно поглядывая на Лукаса.

– Наверное, никто и не пытался вложить в эту землю деньги и силы, – сердито возразил Лукас. – Даже глупцу ясно, что Стоунвейл может дать немалый доход. Здесь плодородные земли, и они смогут снова принести богатый урожай. Чтобы оживить Стоунвейл, необходимы деньги, деньги... и хозяин, который позаботился бы о своих землях и людях.

– Вкладывать деньги в Стоунвейл бессмысленно. Это место проклято... проклято, говорю тебе. Спроси кого хочешь. Уже не одно поколение... Плохая почва, ленивые арендаторы, не хватает воды для посевов. Нечего здесь спасать. Мне давно следовало продать всю эту чертову землю. Не знаю, почему я этого не сделал, – скрипучим раздраженным голосом продолжал старик.

Тут старый граф приподнялся на постели и потянулся к ящику в ночном столике. Дрожащие пальцы что-то нашарили внутри и сомкнулись на вещице, которую он узнал на ощупь. В следующую секунду он бросил ее Лукасу, и тот машинально поймал.

Разжав пальцы, Лукас увидел у себя на ладони круглый янтарный кулон на тонкой цепочке. На кулоне были вырезаны две человеческие фигурки, и мастерство художника было столь велико, что они казались двумя живыми человечками, навеки вошедшими в прозрачный золотисто-желтый янтарь, – рыцарь и его дама.

– Что это значит, сэр? – спросил Лукас, сжав в руке янтарную драгоценность.

– Будь я проклят, если знаю. Мне оставил это отец перед смертью. Он сказал, что нашел этот кулон в старом лабиринте посреди южного сада. Народ здесь считает, это связано с легендой.

Лукас всмотрелся в кулон:

– С какой легендой?

Мейтлэнд внезапно побагровел от очередного приступа ярости:

– С той легендой, из-за которой эти чертовы поля уже иссохли, из-за которой я погубил свою жизнь, из-за которой у меня так и не родился наследник. Легенда о Янтарном рыцаре и его леди.

– Что это за легенда, в ней есть доля истины?

– Пойди расспроси старых ведьм в деревне, если тебе так интересно. У меня есть дела поважнее, чем рассказывать сказки.

Выкрикнув эти слова, Мейтлэнд закашлялся. Лукас быстро наполнил стакан портвейном и поднес его к тонким бледным губам старика. Дядя отпил большой глоток и немного успокоился.

– Никакого смысла, никакого смысла, – повторил он. – Никакого. Не было смысла и не будет. Вся эта чертова земля – только обуза. Послушай моего совета, мальчик, брось все. Не пытайся спасти Стоунвейл.

Лукас взглянул на янтарный кулон, и внезапная решимость запылала в нем.

– Знаете, дядя, я, кажется, не послушаюсь вашего совета. Я попытаюсь спасти Стоунвейл.

Мейтлэнд Колбрук повел усталыми, налитыми кровью глазами:

– А где ты возьмешь деньги? Я слышал, ты неплохо играешь в карты, но из этого не извлечешь надежный доход, необходимый, чтобы спасти эти земли. Я-то знаю, я уже пробовал – в молодости.

– Придется мне поискать деньги где-нибудь еще, верно?

– Где-нибудь еще – это значит найти себе богатую невесту. Легче сказать, чем сделать. Ни одна приличная дама из общества, владеющая собственным состоянием, даже не взглянет на нищего графа. Ее родня сумеет отыскать что-нибудь получше, чем мы с тобой.

Лукас встретился глазами с умирающим:

– Тогда придется спуститься пониже.

– Зря время потратишь. Боже, я помню эти разговоры в клубах. Все только и мечтают променять свой титул на какую-нибудь дочку лавочника вкуче с ее наследством. Ничего не выйдет. Деньги женятся на деньгах. И это справедливо не только в отношении титулованной знати, но и прочих городских жителей. Но мало кому повезло.

Сегодня, когда Лукас разглядывал портрет Мейтлэнда Колбрука, он вновь вспомнил его слова. Он хмуро улыбнулся и поднял бокал:

– Ты ошибся, дядюшка. Я нашел богатую наследницу и расставил ей хитрую ловушку. Она хорошенько помучает меня, но в конце концов будет моей.

И чем скорее, тем лучше, размышлял Лукас, допивая свой портвейн. Ему нужны деньги Виктории, но в эту ночь он понял, что ему нужна и сама Виктория.

Отставив бокал, Лукас прикоснулся к кусочку янтаря, теплившемуся у него на груди. Он всегда носил его под одеждой с того самого дня, как Мейтлэнд Колбрук передал ему реликвию.

Стоя в одиночестве в своем кабинете и размышляя о будущем, Лукас внезапно подумал, что густой темный цвет этого янтаря точь-в-точь совпадает с необычным цветом глаз Виктории.

Глава 4

Лукас неторопливо поднялся по ступеням особняка леди Неттлшип. Острое беспокойство смешалось в его душе с ледяной решимостью. Подобные чувства он обычно испытывал, когда садился за карточный стол. Лукас нацелился на выигрыш, и он умел выигрывать.

Он давно уже понял, что человек, вынужденный зарабатывать себе на жизнь собственным умом, не добьется успеха без особой стратегии. Соблюдать хладнокровие, все эмоции в сторону – иначе не выиграть ни за карточным столом, ни в битве. Холодная логика позволяла ему выжить, и Лукас помнил об этом.

Он прекрасно сознавал, что своим умением выигрывать и даже преуспевать за карточным столом, будь то в клубе или игорных домах, он обязан тому, что в игре никогда не давал воли эмоциям. В отличие от сумасбродных импульсивных юнцов и напыщенных хмельных лордов, в отличие от денди, мелодраматически разбрасывающих свои деньги, Лукас не позволял себе совершить ни одного поступка, поддавшись эмоциям, из ложной гордыни или в отчаянии.

Если человеку не везет, надо просто выйти из-за стола и подождать своего часа. Лукас всегда умел выбрать подходящее время и подходящее место.

Но хотя он весьма успешно играл в карты, покойный дядюшка был прав: он не мог выиграть сумму, необходимую для спасения Стоунвейла. Лукас понимал, что рискует потратить всю жизнь в погоне за таким выигрышем. Ни его земля, ни люди в Стоунвейле не могли ждать так долго.

Однако для того чтобы поддержать видимость богатства в течение сезона, большие средства не нужны. Умный и умеющий считать деньги человек сумеет продержаться от одного ночного выигрыша до другого. Высшее общество будет строить догадки на его счет, но никто никогда не станет проверять состояние его дел, пока удастся соблюдать видимость благополучия. Титул и покровительство Джессики Атертон также способствовали его репутации.

Лукас оглянулся через плечо на свой экипаж – дорогую черную коляску и пару прекрасных гнедых, на которых он явился с визитом. Возница уже держал поводья, успокаивая разогреченных лошадей и собираясь прогулять их, пока хозяин в гостях.

Экипаж с упряжкой обошелся Лукасу гораздо дороже, чем хотелось бы, но он все-таки выложил требуемую сумму, точно так же, как исправно платил по счетам самого модного портного. Отправившись на охоту за приданым, надо хорошенько замаскироваться, тем более когда невеста имеет обыкновение нанимать сыщиков с Боу-стрит.

Парадная дверь особняка леди Неттлшип распахнулась как раз в ту минуту, когда Лукас мысленно определял стратегию на этот день. Он вручил дворецкому свою карточку:

– Граф Стоунвейл с визитом к леди Неттлшип и ее племяннице.

Дворецкий едва высунул в приоткрытую дверь свой длинный нос:

– Я узнаю, принимает ли сегодня леди Неттлшип.

Лукас вдруг заволновался, что же ему делать, если Виктория переменяла свои планы и откажет ему сегодня в визите. Вполне возможно, при ярком солнечном свете она сумела различить угрожавшую ей опасность.

Он должен был вчера сдерживать порыв страсти, не касаться губ Виктории. У него даже мыслей не было о таком поступке. Лишь на мгновение в темном саду Лукас нарушил собственное железное правило, позволил чувствам возобладать над разумом. Лукас пообещал самому себе, что впредь будет осторожнее.

Дворецкий вернулся, и Лукас испытал облегчение, сменившееся ощущением торжества, когда его проводили в нарядную гостиную. Он был уверен, что на его лице, как обычно, не отразилось никаких чувств, но в глубине души ликовал: первое испытание уже позади, он проник в дом, где была его добыча.

Но торжество тут же сменилось беспокойством: в залитой солнцем комнате Лукас не увидел Виктории. Он был уверен в ее отваге и рассчитывал вновь встретиться с ней утром. Однако леди, столь бесстрашно следовавшая за ним по аллее прошлой ночью, кажется, одумалась и не собирается появляться перед ним при свете дня. Лукас вынужден был вести светскую беседу с величественной дамой средних лет, восседавшей на элегантно софе.

– Ваш покорный слуга, леди Неттлшип, – произнес он, склоняясь над унизированной кольцами рукой. – Теперь я знаю, от кого Виктория унаследовала свои прекрасные глаза.

– Вы очень любезны, милорд. Садитесь, прошу вас. Мы вас ждали. Виктория, дорогая, отложи пока коллекцию и подойди поздоровайся со своим гостем. – Леди Неттлшип обратила улыбающееся лицо к племяннице.

Он возликовал. Слава богу, маленькая плутовка все-таки не передумала. Лукас выпрямился, улыбаясь, и повернулся лицом к Виктории, тихонько стоявшей в дальнем конце комнаты у окна. Неудивительно, что он не сразу заметил ее. Она была одета в желтое с белым платье, которое почти сливалось с золотыми шторами у нее за спиной.

Виктория стояла по-прежнему неподвижно, и Лукас понял, что она намеренно выбрала такую позицию: она хотела украдкой понаблюдать за ним, когда он только войдет в комнату. Лукас насмешливо приподнял брови, одобряя ее тактику. Всегда полезно понаблюдать за противником из укрытия, прежде чем сойтись с ним лицом к лицу. Определенно, не он один умеет заранее продумывать ход.

– Доброе утро, мисс Хантингтон. А мне показалось, что вы забыли о нашей встрече.

Виктория легко двинулась ему навстречу, мягкие домашние туфли бесшумно ступали по ковру. В руке она держала плоский ящичек, глаза искрились озорством.

– Как вы могли подумать, что я забуду ваше обещание навестить нас, милорд?

– Никогда нельзя положиться на память молодой леди. – Лукас склонился над протянутой ему изящной ручкой. Пальцы у нее были совсем холодные, и он отметил, что Виктория на самом деле вовсе не так хорошо владеет собой, как старается показать. Это его обрадовало.

– Уверяю вас, память у меня превосходная.

– К несчастью для бедных джентльменов, подвести нас может не только память леди – иногда леди может просто передумать, – продолжал Лукас.

Виктория вскинула голову и дерзко посмотрела ему прямо в лицо:

– Только если у леди существует для этого серьезная причина. Садитесь, пожалуйста, последуйте совету тети. Вас интересуют жуки?

– Жуки? – Лукас наконец заглянул в коробку и увидел там аккуратные ряды насекомых, прищипленных булавками. Они были распределены по размеру, верхний левый угол занимал настоящий монстр. – Откровенно говоря, мисс Хантингтон, жуки никогда не были объектом моего пристального внимания.

– Здесь есть превосходные экземпляры. Правда, тетя Клео?

– Великолепная коллекция, – с не меньшим энтузиазмом подтвердила леди Неттлшип. – Их собрала леди Вудбери, член нашего маленького научного общества.

– Потрясающе, – произнес Лукас, медленно опускаясь на стул и не отводя глаз от Виктории, устроившейся на диване рядом с тетей. – Как же леди Вудбери удалось умертвить столько больших жуков?

– Обычным способом, полагаю, – промолвила тетя Клео, – проткнула их булавкой ниже крылышек, или использовала камфору, или при помощи длинной проволоки.

– Вы тоже увлекаетесь жуками, мисс Хантингтон? – спросил Лукас.

– Нет, мои нервы для этого не годятся, – призналась она, заглядывая в коробку, – эти бедняги иногда так медленно умирают.

Лукас искоса взглянул на нее:

– Стало быть, и они готовы сражаться за свою жизнь?

– Да, – ответила Виктория и отложила коробку с жуками.
– Боюсь, для некоторых научных исследований у моей племянницы слишком нежное сердце, – с улыбкой заметила тетя Клео.

– Признаться, я предпочитаю насекомым ботанику и садоводство, – уточнила Виктория.

– У вас широкие интересы, мисс Хантингтон, – отозвался Лукас.

– А вы думали, ограниченные? – Виктория глянула на него, чуть приподняв ресницы, глаза сияли невинно и насмешливо.

Лукас умел различать ловушки:

– Все нет. Несмотря на краткость нашего знакомства, я уже успел понять, что вы очень своеобразная девушка.

Тетя Клео с любопытством посмотрела на него:

– А вы сами интересуетесь ботаникой и садоводством, сэр?

– Как вы, наверное, слышали, я только недавно унаследовал титул. Я уже понял, что наследство потребует от меня значительно расширить сферу моих интересов. В том числе мне придется узнать что-нибудь о садоводстве и тому подобных предметах, чтобы произвести улучшения в моем поместье, – пояснил Лукас.

Лицо тети Клео просияло.

– Прекрасно, значит, вам должны понравиться акварели Виктории: она рисует растения.

Виктория так покраснела, что Лукас не на шутку удивился.

– Тетя Клео, я уверена, милорду несколько не интересна моя мазня.

– Честное слово, мне очень хочется посмотреть, – поспешно возразил Лукас. Ему и в самом деле не терпелось увидеть, из-за чего эта загадочная девушка могла покраснеть.

– У нее поразительные способности, – сказала леди Неттлшип, поднимаясь с софы. Она взяла со столика альбом и протянула его Лукасу: – Вот посмотрите.

– Право же, тетя Клео...

– Без ложной скромности, Викки. Ты прекрасно рисуешь, и притом удивительно точно. Я неоднократно тебе говорила, что нам надо это издать. Вот взгляните, милорд. Что вы скажете? – Леди Неттлшип вложила альбом в руки Лукаса, и глаза ее зажглись ожиданием торжества.

Чувствуя, что Виктория напряженно наблюдает за ним, Лукас не торопясь перелистывал страницы. Открывая альбом, он думал увидеть любительские рисунки, ведь ничего иного мужчины и не ожидают от женщин. Что может быть уместнее для молодой, хорошо воспитанной леди, чем рисовать и раскрашивать цветочки?

Но он был приятно удивлен ясностью и живостью ее работы. Растения прямо-таки расцветали на страницах альбома, они были наполнены жизненной силой. Они были не просто красивы, как произведение искусства, они были изображены совершенно точно, вплоть до мельчайших подробностей.

Лукас заворожено просматривал страницу за страницей – розы, ирисы, маки, лилии выглядели словно живые. Каждый цветок был снабжен аккуратным ярлыком с его латинским именем: *Rosa provincialis*, *Passiflora alata*, *Cyclamen linearifolium*.

Он поднял глаза и увидел, что Виктория все так же смотрит на него в каком-то необычном, беспокойном ожидании. Он понял наконец, что ее рисунки слишком много значат для нее, здесь она чувствует себя уязвимой. Лукас закрыл альбом:

– Превосходные работы, мисс Хантингтон, я уверен, что вам это уже не раз говорили. Даже на мой любительский взгляд, и зарисовки, и акварели просто прекрасны.

– Спасибо. – Внезапно Виктория улыбнулась так лучезарно, будто он превознес ее собственную красоту, а не красоту ее рисунков. Янтарные глаза стали почти золотыми. – Вы очень любезны.

– Я редко бываю любезен, мисс Хантингтон, – негромко возразил он, – я говорю вам чистую правду. Должен, однако, заметить, что некоторые растения мне неизвестны. Вы нашли их в ботаническом саду?

– В нашей оранжерее, – пояснила тетя Клео. – Мы с Викторией вместе собрали, по-моему, очень неплохую коллекцию растений. Конечно, не тех масштабов, что в Кью, но все-таки нам тоже есть чем гордиться. Хотите осмотреть оранжерею? Виктория с радостью проведет вас по всему саду.

Лукас кивнул:

– Я был бы очень рад посмотреть.

Виктория грациозно поднялась:

– Сюда, пожалуйста, милорд.

– Ступайте, – напутствовала их тетя Клео, – надеюсь, после экскурсии вы заглянете еще на чашечку чая.

– Спасибо. – Лукас с трудом скрыл улыбку, направляясь вслед за Викторией в холл, а оттуда – в короткий коридор, ведущий в заднюю часть дома. «Пока все идет хорошо», – сказал он себе, входя в большую стеклянную галерею, заполненную растениями. Воздух был наполнен густым влажным запахом удобренной земли. Наконец он остался наедине со своей жертвой.

Лукас огляделся и понял, что сегодня ему придется охотиться посреди настоящих джунглей. Он посмотрел сквозь стекло в расстилавшийся под окнами оранжереи огромный чарующий сад, огражденный знакомой кирпичной стеной, увитой плющом и виноградом.

– Мне очень хотелось рассмотреть сад при свете дня, – произнес он.

Виктория тревожно нахмурилась:

– Тише, милорд. Кто-нибудь может нас услышать.

– Вряд ли. По-моему, мы тут совершенно одни. – Он оглянулся на пышные зеленые заросли с переливами ярких экзотических цветов, заполнивших комнату. – Вы и ваша тетя в самом деле интересуетесь садоводством. Сад у вас просто замечательный.

– Тетя построила оранжерею несколько лет назад, – пояснила Виктория, направляясь в боковое крыло оранжереи, издали казавшееся сплошь зеленым. – У нее много друзей, которые путешествуют по всему миру, и они посылают нам черенки или молоденькие растения. Недавно сэр Перси Хикинботтом, один из ее поклонников, прислал новый сорт роз, открытый в Китае. Он назвал ее Роза Китайская – Румянец Клео, в честь тети. Как мило, не правда ли? А в прошлом месяце сэр Перси прислал нам очень красивый куст хризантем. Мы почти уверены, что он приживется. Вам что-нибудь известно о хризантемах, милорд?

– Нет, кажется, но я знаю, отчего человек начинает болтать без умолку. Успокойтесь, Виктория. У вас нет никаких причин так нервничать.

– Я вовсе не нервничаю. – Она вновь горделиво вздернула подбородок и остановилась перед большим подносом, на котором пристроились странные неказистые, покрытые колючками растения. – А кактусы вас интересуют?

Лукас с любопытством глянул на множество колючих растений, так не похожих на все, какие были ему знакомы. В виде эксперимента он осторожно притронулся к шипу и убедился, что он острее иголки. Подняв глаза, он встретился со взглядом Виктории.

– Меня всегда интересовали оборонительные линии, – пояснил он.

– Вас интересовало, как пробиться сквозь них, да?

– Только если добыча стоила такой битвы. – Он получал удовольствие от их словесного поединка. Она не боялась и не отступала.

– Как же вы можете оценить добычу еще до того, как начнете битву?

«Значит, я не напрасно поцеловал ее вчера вечером», – решил Лукас. По тому, как она наблюдала за ним, он догадался, что Виктория много думала о том, что произошло между ними.

– Иногда удается снять... м-м... пробу. Скажем, тот кусочек, который мне удалось отве-
дать прошлой ночью, показался мне весьма лакомым.

– Ясно. И вы так и бродите вокруг да около и снимаете то там, то здесь пробы, пока
не решите, за какой добычей вам следует погнаться? – Взгляд Виктории мгновенно вспыхнул
гневом.

Лукас чуть скривил губы, заметив сердитую усмешку в глазах Виктории:

– Нужно иметь исходные данные, чтобы провести сравнение.

Насмешка в ее глазах сменилась презрением. Виктория отвернулась и двинулась в глу-
бину оранжереи:

– Я так и думала, что все дело в этом.

Неожиданно для самого себя Лукас обиделся на нее. Виктория намеренно пыталась спро-
воцировать ссору. Лукас быстро ухватил пальцами ее запястье и рывком заставил Викторию
остановиться. Она развернулась, смерила его уничтожающим взглядом.

– В чем дело, Виктория? Вас не устраивает, что в моей жизни были и другие победы?
Они так мало значили для меня...

– Меня не устраивает, что вы так неразборчивы в выборе и апробировании вашей добычи,
и мне очень не нравится, что вы еще и хвастаете этим.

– Уверю вас, я никогда не был неразборчив, и хвастаюсь я тоже редко. По правде говоря,
у меня было не так уж и много побед. Большую часть жизни я прослужил в армии, а на офи-
церское жалованье настоящую любовницу не заведешь. – Он намеренно сжал пальцы сильнее,
притягивая Викторию к себе. – Давайте поговорим о вас... Вы очень умело обороняетесь. Зна-
чит ли это, что у вас уже имеется изрядный опыт в таких играх?

– Да, милорд, мне то и дело приходится играть роль кактуса.

С губ Лукаса не сходила усмешка.

– Кому-нибудь уже удалось проскользнуть между шипами?

– Вас это не касается, сэ.

Он увидел, как ее щеки покрылись легким румянцем, но глаз она не опускала.

– Извините. Естественно, что в подобных обстоятельствах во мне пробудилось любопыт-
ство. В конце концов я твердо намерен пробраться сквозь заградительные линии и добыть
сокровище. Я уже предупреждал вас прошлой ночью.

– Вы не любите хитрить, Стоунвейл? – спросила она.

– Я очень хитер, когда нужно, но полагаю, в данном случае могу честно сознаться в своих
намерениях. Вы же не глупенькая маленькая девочка только что из пансиона. Не думаю, что
намерения честного человека способны так напугать вас.

Виктория выпрямилась и поглядела ему в глаза:

– Поскольку вы заговорили о честности, объясните свои намерения, милорд! Прошлой
ночью вы выражались довольно туманно. Я должна знать все.

– Мне показалось, что я выразился достаточно ясно. Вам уже известно, что я хочу обла-
дать вами. И я сделаю все, чтобы заявить на вас свое право.

– Прошлой ночью, – решительно начала она, но заколебалась, стараясь подобрать точные
слова, – прошлой ночью я предупредила вас, что сама мысль о браке для меня невыносима.

– Я слышал ваше предупреждение. И насколько припоминаю, вы повторили его
несколько раз и по-разному.

– Следовательно, вы поняли, что в этом вопросе я шутить не намерена? Я не собираюсь
выходить замуж.

– Я понял. – Лукас слегка улыбнулся, глядя в ее серьезные глаза. Она надеется ускольз-
нуть от этой игры, тем не менее она будет в нее играть и проиграет. – Но вы хотите поиграть
в другие игры, не так ли? Как насчет полуночных развлечений?

Она молчала. Лукас заметил, что ее пальцы слегка дрожали, когда она рассеянно потянулась к широкому листу какого-то экзотического растения над ее плечом.

– Вы верно угадали вчера ночью, милорд. Я счастлива была бы иметь компаньона в ночных приключениях. Кого-нибудь, кто умел бы соблюдать тайну, кто повел бы меня в те места, куда я не могу пойти ни одна, ни с такими друзьями, как Аннабелла и ее брат. Признаюсь, то, что вы предложили мне вчера вечером в саду, звучит для меня очень соблазнительно. Меня беспокоит другое – меня тревожит, что вы слишком хорошо знаете, насколько соблазнительно для меня это предложение.

– Вы тревожитесь потому, что не уверены, можно ли принять то, что я вам предложил, и не уплатить за это. Ведь в этом вся проблема, Виктория?

Она кивнула, насмешливо улыбаясь:

– Вы совершенно правы, милорд. Вы умеете сразу подойти к самой сути дела. Я не уверена, удовлетворитесь ли вы той платой, которую я сама сочту уместной.

Лукас глубоко вздохнул и сложил руки на груди:

– По-моему, это уже моя проблема. До тех пор пока эта сделка будет устраивать меня, вам не о чем волноваться.

– Дело в том, милорд, что, откровенно говоря, я просто не могу представить, чтобы вы удовлетворились парой поцелуев украдкой в ночном саду, но смею вас заверить: сверх этого вы никогда ничего от меня не получите. Вот так. Теперь я ясно все объяснила?

– Вполне.

Виктория готовилась отразить его возражения, но Лукас с вежливым равнодушием склонился над редкой разновидностью кактуса, и, как он и рассчитывал, Виктория быстро утратила самообладание. Эта леди отважилась заплыть слишком далеко, но она еще сама не понимала этого.

– Вы не станете заговаривать со мной о браке? – повторила она.

– Не стану. – Он коснулся шипов другого причудливого кактуса и убедился, что они столь же остры. – Однако я обязан предупредить вас, что обещание не заговаривать о браке не означает, что я не приложу всех сил, дабы залучить вас в свои объятия. Вы совершенно правы, Виктория, я не хотел бы ограничиваться несколькими случайными поцелуями.

– Вы слишком дерзки, милорд!

– Какой смысл скрывать правду? Вы должны знать, что я хотел бы получить в уплату за наши совместные приключения.

– Цена слишком высока. Я никогда не соглашусь на нее, – заявила она.

– Я сказал – это награда, которую я хотел бы получить, но не говорил, что потребую ее. – Он поглядел на нее, радуясь той буре желания и любопытства, которая полыхала в ее глазах. – Не надо бояться меня, Виктория. Даю вам слово чести, что не стану принуждать вас к капитуляции.

– Прошу вас, никогда больше не произносите этого слова, – выдохнула она.

Лукас пожал плечами:

– Капитуляция? Ради бога. Вы можете сами подобрать слова для моих намерений, но вы не должны обманываться относительно самих намерений.

– Ваши намерения никак нельзя назвать благородными, – осуждающе произнесла она, поджимая губы.

– Как же быть? Вы не оставили мне выбора. Вы запретили мне делать вам предложение.

– По-моему, вы с готовностью приняли мои условия, – колко заметила она, задумчиво перебирая пальцами лист, свисавший ей на плечо. – Мне даже показалось, милорд, что вы не так уж и заинтересованы в браке.

– Не все мужчины стремятся связать себя брачными узами. Чего ради человек в здравом уме откажется от своей свободы, если он может завладеть желанной женщиной, не давая ей свое имя? – холодно возразил он.

– При условии, что он и вправду сможет завладеть ею.

Лукас усмехнулся:

– Такое случается довольно часто. Полагаю, вы уже достаточно взрослая и не раз слышали о подобных вещах, Виктория.

– Да, несомненно. – Она вздохнула, и в голосе ее почему-то прозвучало разочарование. – Не поймите меня превратно, но мне известно, что большинство мужчин женятся вовсе не ради любви. Они вступают в брак по необходимости: например, чтобы обеспечить себе наследника, чтобы завладеть чужим состоянием, или же пытаются получить и то и другое одновременно.

– Я всегда считал любовь слишком туманной и совершенно недостаточной причиной для того, чтобы предпринимать серьезные шаги.

Виктория разглядывала его сквозь опущенные ресницы:

– Ваши слова звучат цинично, милорд, но надеюсь, они вполне уместны в устах человека, который стремится всего-навсего к незаконной, скандальной связи.

Лукас печально покачал головой:

– Боюсь, вы сами себе противоречите, Виктория. Вы запретили мне делать вам добропорядочное предложение и тут же, не переводя дыхания, упрекаете меня в цинизме потому, что я мечтаю хотя бы о связи с вами.

Виктория пробормотала весьма неуместное для леди ругательство.

– Вы правы, – уступила она, – если бы у меня не было приданого, все было бы гораздо проще. Аннабелла говорила мне, что я слишком придирчива, даже подозрительна.

Лукас ласково улыбнулся, сочувствуя ее горю:

– Пуганая ворона куста боится?

– Похоже, что так, – согласилась Виктория.

– Вы всегда все проверяете, что ж, неплохой метод.

– До сих пор этот метод меня не подводил, – заметила Виктория.

– И вы надеетесь благополучно остаться старой девой?

– Черт побери! Вы забываетесь! – Ее губы изогнулись в забавной усмешке. – А вообще-то вы правы. Я старая дева, чему очень рада. Более того, я рассчитываю навсегда ею остаться.

Лукас оторвал взгляд от экзотических кактусов, заинтересовавшись роскошным золотисто-желтым цветком, названия которого он не знал. Словно тонкая золотая корона на высоком зеленом стебле, с пылающей пурпурной сердцевинкой... Лукас направился к нему, привлеченный золотистым оттенком, удивительно напоминавшим ему цвет глаз Виктории. Осторожно придерживая рукой царственный цветок, он внимательно разглядывал его странные лепестки.

– После того, что произошло между нами в саду ночью, вы не можете утверждать, что собираетесь прожить всю жизнь, не открыв для себя глубины своих собственных страстей. Вы слишком похожи на этот цветок, Виктория: вы прекрасны, вы сладостны, и все в вас обещает страстную любовь.

Она усмехнулась:

– Право, милорд, не стоит так увлекаться цветами и цветистыми метафорами. Насколько мне известно, ваш опыт – опыт военного, но не писателя.

– Иногда человек, сталкиваясь со смертью, узнает о жизни такое, чего не вычитаешь из всей античной поэзии. Даже если вам удастся до конца жизни скрыть от себя свою страсть, я сомневаюсь, что вы сумеете совладать со своим любопытством.

– Любопытством! Неужели вы рассчитываете, что любопытство доведет меня до незаконной связи? Более чем оригинально.

– Зато очень понятно. Если женщина способна восхищаться жуками и кактусами, она, несомненно, должна интересоваться своим собственным организмом. – Он склонил голову в галантном поклоне. – Я готов помочь вам в этом научном эксперименте, мисс Хантингтон. И уверен, вы не устоите.

Виктория с яростью воззрилась на него, но через несколько секунд гнев сменился весельем. Через минуту она уже хохотала так, что вынуждена была схватиться за дверной косяк, чтобы не упасть.

Лукас наблюдал за ней, все еще держа в ладони золотисто-желтый цветок. Он был восхищен ее искренним весельем: она не хихикала в той противной манере, какую усваивают большинство девиц, воображая, что в их смехе слышатся журчание ручейка и перезвон колокольчиков. Смех Виктории был полон тепла и жизни. Больше всего ему хотелось заключить ее в свои объятия и целовать до тех пор, пока смех не сменится стоном желания, того желания, что он сумел пробудить в ней накануне.

«Я мог бы это сделать», – подумал Лукас. Вчера, когда Виктория ответила в саду на его поцелуй, он понял, что сумеет пробудить в ней желание. Он собирался использовать это, а также ее страсть к приключениям, чтобы соблазнить Викторию. В конце концов она не устоит перед ним. Как он и предупреждал ее вчера в саду, она не сумеет найти другого человека, который предложил бы ей то, что предлагал он.

Когда она наконец окажется в его объятиях, до брака останется только один шаг. Пусть Виктория отважно рассуждает о незаконной связи – он был уверен, что она не решится на поступок, который поставит под угрозу не только ее репутацию, но и репутацию ее тети. В конце концов, юная леди получила прекрасное воспитание, и она достаточно хорошо знала правила, диктуемые светским обществом.

Общество требовало, чтобы юные леди из хорошей семьи воздерживались от незаконных связей, до того как они выйдут замуж и подарят мужу наследника. После этого женщины могли позволить себе завести романчик, при условии, что они, разумеется, будут достаточно осторожны. Их мужья, как правило, содержали любовниц как до брака, так и вступив в брак, причем им даже не приходилось соблюдать осторожность.

Но, следя за тем, как на лице Виктории смех постепенно уступает место все той же ослепительной улыбке, Лукас внезапно поймал себя на мысли, что он вовсе не собирается разрешить своей будущей жене вступить на обычный путь, который ведет от алтаря в супружескую постель, а оттуда к череде тайных романов.

Лукас был не из тех мужчин, что снисходительно относятся к женской неверности. Он не станет ни с кем делиться принадлежащей ему женщиной. Вспыхнувшая в нем ревность превосходила все чувства, какие он мог ожидать от самого себя по отношению к женщине, которой даст когда-нибудь свое имя.

«Пусть только она станет моей, – решил Лукас. – Она станет моей, и только моей – навсегда». К черту обычаи высшего света. Он не станет ни с кем делить эту очаровательную сумасбродку.

– Милорд, с вами невозможно иметь дело. Совершенно невозможно, – Виктория вытерла влажные от смеха глаза и покачала головой, все еще улыбаясь. – Подумать только – вы предлагаете мне себя в качестве партнера по научному эксперименту! Как великодушно с вашей стороны! Как самоотверженно! Право, вы ведете себя в высшей степени благородно.

– Я на все пойду, чтобы завоевать вас.

– И как же вы рассчитываете завоевать меня, милорд?

– Я предложу вам приключение, я предложу вам восторг, я предложу вам страсть, Виктория! Я вам дам все, Виктория...

Она посмотрела на него, и в ее глазах Лукас прочел принятое решение.

– Я буду выбирать очень осторожно, я приму от вас только то, что сочту уместным, и заплачу за это так, как сочту нужным.

Он покорно склонил голову, в глубине души торжествуя победу:

– Все в вашей власти.

Она заколебалась, потом быстро шагнула к нему и дотронулась до его рукава:

– Лукас, что вы имели в виду, когда сказали, что хотите меня, именно меня, но не мои деньги?

Он провел рукой по ее нежной щеке:

– Я хочу тебя.

– Я ничего не могу вам обещать, – капризно напомнила она. – Мне понравился поцелуй вчера вечером, но дальше этого мы не пойдем, и вы должны это учесть.

Ее пальцы все еще касались рукава Лукаса, и он накрыл их своей ладонью:

– Я понимаю. Не надо сейчас думать, что вы вправе обещать и чего вы обещать не вправе. Мы двинемся в путь вместе и узнаем, как далеко мы можем зайти.

Какое-то время Виктория не двигалась с места.

Она просто стояла и смотрела на него с такой тоской, что он готов был немедленно прижать ее к себе. Сейчас он читал в ее прекрасных янтарных глазах не страсть и безрассудное любопытство, но нечто особенное, радостное и трепетное. Ее взгляд был полон надежды и щемящей тоски.

– Если вы уверены, что это все, чего вы хотите, я принимаю ваше предложение, – произнесла Виктория. – Тогда я предлагаю вам быть моим спутником!

Лукас с трудом перевел дух.

– Решено и подписано. – Он наклонился и слегка коснулся губами ее губ. Она задрожала, почувствовав это прикосновение, а Лукасу в одно и то же время хотелось успокоить, утешить ее и уложить ее прямо здесь, в оранжерее, на мозаичном полу, и заняться с ней любовью. Прежде чем он сумел разобраться в столь противоречивых чувствах, Виктория ускользнула от него, оставив у него в руке маленький листок бумаги.

– Что это? – Лукас, нахмурясь, разбирал изящный почерк. – Игорный дом. Бордель. Скачки. Мужской клуб.

– Это первые пункты в моем списке, – пояснила она.

– В каком списке? – Наконец он понял. Он недооценил своего противника, подобного рода просчеты случались с ним очень редко. – Черт побери, вы полагаете, что я поведу вас в игорный дом и в бордель? Бога ради, Викки, будьте хоть немного разумнее. Одно дело ночная ярмарка или прогулка по темным аллеям Воксхолл-Гарден. Но повести вас в бордель или в игорный дом! Вы шутите?

– Ошибаетесь, милорд. Я серьезна, как никогда, – не уступала Виктория.

Он поглядел на нее и понял, что так оно и есть.

– Черт побери! Я же совсем не это имел в виду.

Виктория отмахнулась от его протеста:

– Вечер четверга как нельзя лучше подходит для очередного приключения. Я увижу вас на балу у Кинсли, и мы окончательно составим наш план. А тем временем...

Голос Клео Неттлшип прервал этот инструктаж:

– Викки, дорогая, вы все еще там? Пожалуйста, не увлекайся, иначе твоя лекция надоест лорду Стоунвейлу. Не все любят подробные экскурсии по оранжерее.

Лукас обернулся и увидел леди Неттлшип у самой двери с приветливой улыбкой на губах.

– Уверяю вас, миледи, я в жизни еще не был так далек от скуки, – вежливо возразил он.

– Да, рядом с Викторией соскучиться трудно, – согласилась леди Неттлшип.

Лукас глянул на самодовольное личико Виктории, а потом вновь на странный золотисто-желтый цветок, привлечший его внимание:

– Прежде чем мы покинем оранжерею, я был бы вам очень благодарен, мисс Хантингтон, если бы вы назвали мне имя этого причудливого растения.

– *Strelitzia reginae*. Все были просто потрясены, когда она впервые расцвела в Кью. А нам с тетей Клео очень повезло, и мы тоже достали один отросток. Правда, она замечательная? – восторженно произнесла Виктория.

Глаза Лукаса вновь обратились к ней. Она была полна жизни, она словно сияла в своем золотисто-желтом платье, ее янтарные глаза светились радостью.

– Да, – сказал он, – она просто прелестна.

Глава 5

Спустя неделю Виктория надела новую коричневую с желтым амазонку, лихо сдвинула набекрень маленькую шляпку в военном стиле с желтым пером и велела груму привести ее любимую лошадь. Было пять часов вечера – время, когда все отправляются на верховую прогулку в парк.

В числе «всех» непременно окажется и граф Стоунвейл. Прошлым вечером на балу у Баннербруков Виктория целых пять минут давала ему строжайшие указания появиться завтра в парке. Ей было нужно непременно с ним поговорить.

Как Виктория успела уже убедиться, проблема в отношениях с Лукасом заключалась в том, что хотя он с неизменной покорностью принимал все ее указания, но имел дурную привычку переиначивать все на свой собственный манер. Пора покончить с этим.

Когда Виктория спускалась по лестнице, тетя Клео как раз пересекала холл, направляясь в библиотеку. Она с кротким удивлением оглядела наряд племянницы:

– Собираешься кататься верхом, дорогая?

– Да. Мне надо немного прогуляться. – Виктория легонько чмокнула тетю в щеку и устремилась к двери. – Не беспокойся, явлюсь домой вовремя и успею переодеться к лекции Гримшо о состоянии земледелия в Йоркшире.

– Что ж, прекрасно. – Тетя Клео удовлетворенно улыбнулась. – Я надеюсь, лекция будет интересна и Лукасу.

Виктория резко остановилась и обернулась к ней:

– Что ты сказала?

– Я сказала, что надеюсь на интересную лекцию.

– Ты сказала, что она будет интересна и Лукасу?

– О да, ему, наверное, понравится. Он мне сам признался. Это ведь вполне естественно, не правда ли? В конце концов, у него имение в Йоркшире, насколько мне известно. Я пригласила его еще в среду, когда мы вместе осматривали мои новые георгины. Должна заметить, наш граф проявляет глубокий интерес к садоводству и родственным дисциплинам, – заметила тетя Клео.

«Да, похоже, граф действительно проявляет глубокий интерес к садоводству и родственными дисциплинам», – мрачно подумала Виктория, поправляя шляпку. Последнее время его интерес к садоводству и земледелию стал подозрительно глубоким. Виктории даже казалось, что в последнее время она только и слышит о проблемах удобрений и севооборота.

Еще неделю назад он хотел соблазнить ее. Однако Лукас так внезапно уклонился от первоначального намерения, что Виктория не знала, гневаться ей или радоваться.

Через несколько минут она быстрой рысью въезжала в парк, за ней на пони следовал грум. Дорожки были заполнены нарядными всадниками, колясками, открытыми маленькими экипажами. В этот час все светское общество выбиралось в парк – что называется, людей посмотреть и себя показать, то есть дело было не только в приятной и полезной прогулке. Те, кто любил верховую езду ради нее самой, отправлялись гулять поутру.

Виктория машинально улыбалась, приветствуя своих многочисленных знакомых, и не переставала высматривать Лукаса. Ей уже казалось, что он намеренно избегает назначенной встречи, и она гадала, как он потом объяснит свое поведение, но тут Лукас неожиданно возник слева от нее верхом на великолепном гнедом. На миг Виктория забыла их счеты:

– Какое изумительное животное! Просто красавец!

Лукас слегка улыбнулся:

– Приятно это слышать. Я сам привязан к старине Джорджу. Где мы только не побывали вместе, верно, Джордж?

Виктория наморщила носик:

– Вы назвали его в честь короля?

– Нет, я назвал его Джорджем потому, что имя показалось мне простым для запоминания.

– Такую лошадь не забудешь, как ее ни назови. А жеребята от него были? – продолжила расспросы Виктория.

– Еще нет, но у Джорджа серьезные планы на будущее.

При этих словах Виктория усмехнулась:

– Вы надеетесь, он станет основателем династии?

– Почему бы и нет? Породистый жеребец должен исполнить свой долг, тем более с такой родословной, как у старины Джорджа. У нас, мужчин, есть свои обязанности, верно, малыш? – Он похлопал жеребца по шее, и гнедой, обернувшись, зафыркал.

Улыбка сбежала с лица Виктории. Она рассердилась на себя за свою «династическую» шутку. Лукас время от времени намекал, что у него есть обязательства перед именем и титулом, и Виктория старалась избегать щекотливой темы. Почему-то ей была не по душе сама мысль, что лорд Стоунвейл должен будет однажды выбрать жену, которая подарит ему наследника.

– Да, очень красивое животное, но не гнедого я собиралась обсуждать с вами, – торопливо произнесла она.

– Очень жаль. Я так люблю беседовать о лошадях. – Лукас вежливо раскланялся с элегантной четой средних лет в красивой карете. Они улыбнулись в ответ, пристально рассматривая Викторию.

Виктория послала лорду Фокстону и его супруге королевскую улыбку, пуская лошадь в быструю иноходь. Джордж поскакал вслед за ней. Обернувшись через плечо, Виктория сердито потребовала:

– Довольно шутить, Лукас! Повторяю, мне необходимо обсудить с вами важное дело.

– Тогда не гоните так свою лошадь.

– Я только хотела избежать разговора с леди Фокстон. Она смотрит на меня так, будто ей что-то про меня известно. Кстати, и не она одна. Именно это я и хотела обсудить с вами, Лукас. В свете уже обращают внимание на наши... м-м... отношения.

– Чего же вы ждали? Вы не хуже меня знаете: стоит парочке потанцевать вместе на балу больше двух раз, как кто-то уже распространяет слух, что до свадьбы недалеко.

– Но мы не танцевали вместе.

– Никого это не волнует. Мы были вместе на нескольких вечерах, и этого вполне достаточно. – Он прикоснулся к шляпе, приветствуя пожилую леди, которая в ответ проницательно улыбнулась.

– Все равно. Тут уж ничего не поделаешь. Я вызвала вас потому, что сегодня мне не представится другой возможности поговорить с вами наедине, а нам нужно кое в чем объясниться.

– Этого я и опасался.

– Пожалуйста, не стройте из себя мученика. Вы сами предложили мне приключения. Более того, вы настаивали на своем праве сопровождать меня в полуночных вылазках. Мы заключили сделку по вашей инициативе, Лукас, – выпалила Виктория.

Лукас прищурился:

– Похоже, вы собираетесь пожаловаться на то, как я выполняю свои обязательства. Я сражен. Неужели вам не понравились те два приключения, ради которых я рисковал руками, ногами и самой жизнью, перемахивая через стену вашего сада?

– Вы прекрасно знаете, что оба путешествия на прошлой неделе мне показались весьма интересными. Но я рассчитывала на большее.

– Что вы ожидали увидеть, пробравшись в мир мужчин?

Виктория в задумчивости прикусила нижнюю губу.

– Я не могу точно вам ответить, милорд. Наверное, больше приключений. Больше острых ощущений.

– Вам мало показалось острых ощущений и приключений в среду вечером?

– Ужин в ресторане поздно ночью – конечно, весело, не отрицаю. Во всяком случае, было весело, пока тех двоих юнцов не стошнило прямо на платья их приятельниц, танцовщиц из оперы. – Припомнив эту сцену, напрочь лишившую ее аппетита, Виктория состроила гримаску.

– Мне жаль разочаровывать вас, Викки, но печальная истина заключается в том, что мужчины вряд ли помогут открыть вам для себя что-то новое. Собравшись вместе глубокой ночью, они только и делают, что пьют. Как насчет нашей экскурсии в Воксхолл – она ведь понравилась вам, верно?

– Господи, Лукас, не надейтесь, что я удовлетворюсь прогулкой по Воксхоллу. Такое приличное, тихое место. Я могла отправиться туда с Аннабеллой или любой другой подругой, и никто бы не счел это странным.

– Будьте же справедливы. Вы пошли в мужском костюме, и Воксхолл открылся вам совсем с другой стороны.

– Вы уклоняетесь от прямого разговора, Лукас, – твердо произнесла Виктория. – И полагаю, намеренно.

– О чем же вы хотите говорить?

– О том, что вы до сих пор не сводили меня ни в одно из тех мест, которые значатся в моем списке.

– Ах да, наш знаменитый список. Я опасался, что сегодняшняя встреча приведет именно к этому чертову списку!

– Лукас, вы же обещали. Вы обещали мне, что поведете меня туда, куда я захочу. Вместо этого вы намеренно пытались отбить у меня охоту к приключениям, не так ли? Даже не надейтесь, что я не сумею разгадать ваш план! Вы рассчитывали, что омерзительные сцены вроде той, когда молодые люди напились до одурения, или зрелище боксерского матча в Воксхолле заставят меня отказаться от моего списка!

– Я только хотел показать вам, что вас ждет, прежде чем подвергнуть вас настоящей опасности. Что касается боксерского матча, по-моему, вы несколько не боитесь крови.

– Так я и знала! Вы хотите, чтобы я удовлетворилась безопасными приключениями. У вас ничего не получится, – провозгласила Виктория. – Я требую, чтобы вы выполнили ваши обязательства. Завтра же ночью мы отправимся в бордель или игорный притон. Я настаиваю на этом. – Она просияла, предвкушая приключение. – Полагаю, мне больше понравится притон. Решено, мы должны пойти в самый настоящий игорный дом.

– Вам там не понравится, Викки.

– Предоставьте мне самой решать, что понравится мне, а что нет. Итак, договорились или мне поискать другого спутника?

Лукас с улыбкой наклонил голову, приветствуя еще одну востроглазую пожилую леди, проплывавшую мимо в карете. Внешне он был воплощением любезности, но в его голосе, когда он ответил на угрозу Виктории, звучал лед.

– Не стоит бросаться угрозами, которых вы не в состоянии осуществить, Викки.

Виктория уже знала – если Лукас говорит с ней таким тоном, лучше всего отступить и попытаться добиться своего иным способом. Она сердилась, видя, как под ее нажимом он становится только жестче и увереннее, но он был прав: где она найдет другого спутника, который показал бы ей ночную жизнь?

Кроме того, с каждым разом прощальный поцелуй в ночном саду после завершившегося приключения все больше поработал Викторию. Таких поцелуев насчитывалось уже два после сцены в саду, когда они вернулись с ярмарки, и Виктория жила предвкушением следующей встречи, когда Лукас вновь заключит ее в свои объятия.

– Лукас, вы забываете, что в наших приключениях главное слово остается за мной, поскольку именно я должна принимать решения. Итак, что касается следующей нашей вылазки... Черт побери! – Виктория принужденно улыбнулась знакомой паре в поравнявшейся с ними коляске. Насмешливо-любопытные глаза Изабеллы Рикотт глядели прямо ей в лицо.

Изабелла сияла словно маленький, но безупречный драгоценный камень – скорее всего рубин. Рядом с ней держал вожжи ее постоянный спутник Ричард Эджворт. Минувшим вечером Виктория познакомилась с ним, но он не произвел на нее особого впечатления. Признаться, ее удивило, почему Изабелла, у которой был большой выбор, предпочла именно его.

С первого взгляда никаких особых недостатков в нем не замечалось. Эджворт был светловолос, красив стандартной красотой. Ему недавно минуло тридцать, и Виктория полагала, что к сорока годам он утратит свою внешнюю привлекательность. В его глазах залегла тень угрюмой неудовлетворенности, как будто Эджворт чувствовал себя вечно обманутым жизнью. Вялая, какая-то безвольная линия его рта указывала на отсутствие внутренней силы.

У Виктории мелькнула мысль: а справедлива ли она к этому человеку, ведь она невольно сравнивала его с Лукасом.

– Викки, дорогая, добрый день, – прошептала Изабелла, – как приятно снова повстречаться с тобой.

– К вашим услугам, мисс Хантингтон, – буркнул Эджворт. Быстро скользнув взглядом по Лукасу, он отвел глаза в сторону. – Здравствуйте, Стоунвейл.

– Здравствуйте, Эджворт.

Почувствовав пробежавший между мужчинами холодок, Виктория взглядела в непроницаемое лицо Лукаса и, как всегда, не смогла разгадать его чувства. Она быстро обернулась к Изабелле Рикотт:

– Какая у вас прелестная шляпка, леди Рикотт. Вы не скажете, где вы ее купили?

– С удовольствием. Магазины на Оксфорд-стрит. Может быть, мы поболтаем сегодня вдвоем? У леди Атертон намечается небольшой прием.

– Прошу прощения, но я занята, – ответила Виктория, припоминая, что несколько дней назад отказалась от приглашения. Интересно, принял ли его Лукас? – У меня на сегодня другие планы. Как-нибудь в следующий раз.

– Как-нибудь... – повторила леди Рикотт и, загадочно улыбувшись Лукасу, махнула рукой своему поклоннику, чтобы тот направил лошадей на боковую дорожку. Повинуясь ей, Эджворт чуть подхлестнул лошадей, изящно взмахнув затянутыми в серые перчатки руками.

– Вам не очень-то нравится леди Рикотт, – заметил Лукас, как только карета отъехала.

– А вам, судя по всему, не очень-то нравится мистер Эджворт, – откликнулась Виктория.

– Ничего серьезного, небольшая ссора за карточным столом.

Виктория искоса глянула на него:

– Вы вместе играли в карты?

– Только один раз. Он шулер.

Виктория была потрясена:

– Эджворт – шулер?! Подумать только! Как же ему разрешают играть в клубе?

Лукас следил за каретой, пока та не скрылась за деревьями:

– Его еще никто не поймал. Он очень ловкий шулер.

– Что же случилось в тот вечер, когда вы играли с ним? – сторая от любопытства, настаивала Виктория.

Горькая усмешка появилась на его губах.

– Посреди игры, когда я уже довольно много проиграл, мне удалось рассыпать всю колоду карт. Само собой, нам тут же принесли новую колоду.

– Вы избавились от крапленых карт? Потрясающе! – Виктория была в восторге. – И тогда Эджворт проиграл?

- Да. В пух и прах.
- Великолепно! Вот видите, Лукас, подобное приключение я и хотела бы пережить.
- Со стороны смотреть было не на что. Карты упали на пол. Эджворт глянул на меня. Я мысленно вознес благодарность небесам за то, что вовремя понял, что тут происходит, и не успел проиграть слишком много.
- Вот-вот, а сами собираетесь лишиться меня столь увлекательного приключения. – Виктория нахмурилась. – Эта игра – первое ваше столкновение с Эджвортом?
- Почему вы спрашиваете?
- Не знаю. Вы как-то странно посмотрели друг на друга. Мне показалось, что вы давно знакомы. Впрочем, не важно. Возвращаясь к нашему разговору...
- А почему вы не любите Изабеллу Рикотт?
- Виктория прикусила губу:
- Это так заметно?
- Лукас раскланялся с еще одной парой и сказал:
- Только для того, кто хорошо вас знает. А я уже научился понимать вас, дорогая.
- У меня нет никаких причин плохо к ней относиться. Нас познакомили несколько недель назад, но она сразу же заявила, что она старая приятельница моей мамы и моего отчима. – Виктория не хотела заходить слишком далеко в объяснениях.
- Вашим отчимом был Сэмюэль Уитлок?
- Да.
- Вы ни словом не обмолвились о своей семье, если не считать тетю Клео, – заметил Лукас.
- Моя семья не предмет для обсуждения. Откуда вам известно имя моего отчима, Лукас?
- Кажется, мне называла его Джессика Атертон.
- Да, конечно. – Голос Виктории дрогнул.
- Что-то не так? – ласково спросил ее Лукас.
- Нет, нет, все хорошо.
- Викки, не забывайте, я ваш друг. И надеюсь однажды стать вашим возлюбленным. Почему бы вам не поговорить со мной откровенно?
- Виктория резко обернулась, чувствуя, как ее щеки запылали румянцем.
- Боже мой, Лукас, как можно обсуждать подобные вещи посреди парка! К тому же не ясно, как дальше будут развиваться наши отношения. Будьте так добры, не воображайте о себе чересчур много.
- Вам не понравилось, что мы с Джессикой обсуждали вас?
- Да, не понравилось.
- Ее вы тоже недолюбливаете?
- Не то чтобы недолюбливаю... Я уже как-то говорила вам, что у нас мало общего, однако я ничего не имею против нее. Как можно не любить образец всех добродетелей? – Виктория перевела дыхание. – Вы давно знакомы с ней?
- С Джессикой Атертон? Уже несколько лет. Мы были знакомы еще до ее замужества с Атертоном.
- «Что-то таится в их отношениях, он явно что-то скрывает», – подумала Виктория, прислушиваясь к голосу Лукаса. Она не знала, как выведать у него интересующие подробности, и потому переменяла тему.
- Любопытно, что леди Рикотт нашла в Эджворте? – заметила она. – Наверное, она не знает, как он играет в карты.
- Да уж, наверное.
- Как все-таки хорошо быть вдовой! – вздохнула Виктория.
- Последнее замечание привлекло внимание Лукаса.

– Что, черт побери, вы имеете в виду?

– Понимаете, леди Рикотт, распоряжаясь состоянием по своему усмотрению, обладает гораздо большей свободой, нежели я, она даже может позволить себе выбрать любовника!

– Об этом я не подумал, – подавленно проговорил Лукас.

– А я думала. Много раз. Поскольку я не замужем, я словно нахожусь под наблюдением и должна все время спрашивать себя, а что скажут в свете. В моем возрасте я все еще обязана беречь свою репутацию. А Изабелла Рикотт вправе разъезжать по парку в одной коляске с Эджвортом и танцевать с ним, и отправиться в его компании домой, когда закончится вечер у Атертонов, и никому до них нет дела. Боже, до чего несправедливо устроен мир!

– Вам остается только выйти за меня замуж и потихоньку меня отравить – и тогда вы тоже насладитесь всеми правами богатой вдовушки!

Виктория негромко рассмеялась:

– Интересная мысль. Впрочем, я не склонна выходить замуж даже ради перспективы превратиться в богатую и свободную вдовушку.

Лукас пристально посмотрел на нее:

– Если мы все уже обсудили, нам лучше теперь расстаться. Мы слишком долго катаемся вместе, а мы ведь не собираемся привлекать внимание к нашим... м-м... отношениям.

– Да-да, вы совершенно правы. – Как ей сейчас хотелось бы обладать той свободой, которой наслаждалась Изабелла Рикотт. Но они с Лукасом уже вынуждены прощаться. – Минуточку, Лукас. Что касается следующего нашего приключения, я действительно настаиваю на чем-нибудь поинтереснее ресторана или Воксхолла. Завтра ночью, после того как побываю в гостях у Чиллингвортов, я буду ждать вас в саду тетиного дома, и я очень рассчитываю попасть по крайней мере в игорный дом.

Стоунвейл приподнял брови, расслышав в ее голосе приказ:

– Ваше желание для меня закон, Виктория! Но я надеюсь увидеть вас еще сегодня вечером на лекции Гримшо.

Лицо ее расплылось в улыбке.

– Вас так заинтересовало состояние земледелия в Йоркшире?

– Что тут смешного?

Она пожала плечами:

– Нет, конечно, ничего.

Лукас, прощаясь, притронулся к полям своей шляпы:

– Будьте настороже, Виктория. Вы еще многого обо мне не знаете. До вечера.

Прежде чем она нашла достойный ответ, он повернул Джорджа и поскакал прочь от нее. Виктория смотрела ему вслед, пока ее не окликнула Аннабелла Линдвуд. Страхнув с себя странное, доселе незнакомое чувство, Виктория поспешила навстречу подруге.

Ночью после лекции Гримшо Виктория крадучись пробралась по окутанному темнотой дому и вошла в оранжерею. Бледный свет луны проникал в окно, экзотические растения казались особым, странным и тревожным миром.

Виктория уже привыкла к причудливым джунглям, в которые превращалась по ночам оранжерея. Она поспешила к боковой двери и выбралась в сад. Ночной воздух был пропитан прохладой, под ногами она ощущала сырую траву. Виктория помедлила, силясь различить Лукаса во мраке, но, как всегда, не обнаружила его до тех пор, пока он не пошевелился.

Лукас вышел из своего укрытия у стены – темная грозная фигура, с ног до головы облаченная в черное. Начищенные до блеска ботфорты сияли даже при свете луны. Лицо его скрывала тень. Виктория тихонько вздохнула, и предчувствие приключений с силой погнало кровь по ее жилам, дрожь волнения пробежала по ее телу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.